

ВЛАДИСЛАВ МАХЬЯНОВ

МИР,
КОТОРЫЙ

~~НЕ~~

УМЕЛ
ОТКАЗАТЬ

Владислав Махьянов

Мир, который не умел отказать.

«Автор»

2026

Махьянов В.

Мир, который не умел отказать. / В. Махьянов — «Автор», 2026

Шестнадцатилетний Кирилл Савин находит в колледжной мастерской старую лампу. Внутри — джинн Захир и договор на три желания. Кирилл не торопится просить денег, любовь или бессмертие: он изучает правила, заставляет джинна отделять факты от предположений и пытается составить формулировку без лазеек. Первое желание даёт Кириллу разум, способный видеть систему за любым чудом. С каждым следующим условием он получает всё больше власти — и всё меньше внешних границ. Теперь мир не способен сказать Кириллу «нет». Он может лечить, воскрешать, создавать богатство, менять память и исправлять последствия. Но кто дал ему право решать, что считать исправлением? И сможет ли человек, которому доступно всё, сохранить чужое право отказать?

© Махьянов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ЛАМПА	5
ГЛАВА 1. МАСТЕРСКАЯ НОМЕР ЧЕТЫРЕ	5
ГЛАВА 2. ЛИШНЯЯ ДЕТАЛЬ	18
ГЛАВА 3. ДЫМ БЕЗ ОГНЯ	32
ГЛАВА 4. ЧТО СЧИТАЕТСЯ ЖЕЛАНИЕМ	46
ГЛАВА 5. УМНЕЕ СЕБЯ	52
ГЛАВА 6. ПОСЛЕ ЗАПЯТОЙ	62
ГЛАВА 7. ИМПЕРАТИВ ИСПОЛНЕНИЯ	69
ГЛАВА 8. ЧЕГО ХОЧЕШЬ ТЫ	76
ГЛАВА 9. ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ	82
ЧА	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Мир, который не умел отказать.

ЧАСТЬ I. ЛАМПА

ГЛАВА 1. МАСТЕРСКАЯ НОМЕР ЧЕТЫРЕ

Гайка не хотела откручиваться.

Кирилл Савин держал ключ обеими руками, упирался кроссовкой в край верстака и уже третий раз говорил себе, что сейчас она точно пойдёт. Гайка, судя по всему, придерживалась другого мнения.

Ключ сорвался.

Кирилл ударился костяшками о корпус двигателя и тихо, но выразительно выругался.

С противоположной стороны верстака показалась голова Максима Пахомова.

— Интеллигентно.

— Иди сюда и покажи, как надо.

— Я не мешаю человеку получать профессиональное образование.

— Ты пятнадцать минут болт откручиваешь.

— Я его морально готовлю.

Максим исчез за двигателем. Через несколько секунд оттуда донёсся металлический стук, потом ещё один, а затем звук, похожий на падение большого и дорогого предмета.

Мастер производственного обучения поднял голову.

Олег Андреевич Шаталов умел смотреть так, что человек начинал проверять собственную совесть, даже если ничего не сделал. Он стоял возле раскрытого инструментального шкафа, держа в руке промасленную ведомость. Седые волосы были зачёсаны назад. На синем халате темнели старые пятна, которые не отстирывались, а становились частью ткани.

— Пахомов.

— Я здесь, Олег Андреевич.

— Это я слышу. Что упало?

Максим выглянул из-за двигателя.

— Ничего важного.

— В мастерской нет ничего неважного. Даже ты пока числишься на балансе.

Кто-то засмеялся.

Шаталов не изменился в лице.

— Савин.

— Да?

— Вы с Пахомовым сегодня двигатель разбираете или собираете вокруг него кружок художественного слова?

— Разбираем.

— Тогда почему шатун всё ещё внутри?

На поверхности двигателя готового ответа не было.

— Болт прикипел.

— Я вижу. Дальше что?

— Попробуем сильнее.

— Замечательная техническая стратегия. Если не получается, приложить больше силы и сломать то, что ещё работало.

Шаталов положил ведомость на стол и подошёл. От него пахло табаком, машинным маслом и холодным воздухом с улицы.

Он взял ключ, провёл пальцем по креплению, затем посмотрел на Кирилла.

— Резьбу видишь?

— Вижу.

— Направление?

Кирилл наклонился ближе.

— Обычное.

— Тогда почему тянешь не туда?

На несколько секунд в мастерской стало особенно тихо.

Максим за двигателем издал звук, похожий на подавленный кашель.

Кирилл почувствовал, как жар поднимается к ушам.

Он посмотрел на ключ. Потом на собственные руки. Потом снова на ключ.

Действительно не туда.

— Перепутал, — сказал он.

— Бывает. Только железо не виновато, что человек сначала тянет, а потом думает.

Шаталов вернул ключ.

— Ослабь, очисти резьбу, нанеси состав. И не воюй с механизмом. Он тебя не ненавидит.

Мастер отошёл к другой группе.

Максим медленно поднялся из-за двигателя. На его лице было то выражение, которое обычно появлялось перед особенно глупой шуткой.

— Ну что, автомеханик, победил гайку?

— Закрой рот.

— Абсолютно без агрессии спрашиваю.

— Ты сам пять минут назад уронил поддон.

— Это был контролируемый спуск.

Кирилл отвернулся, взял ветошь и начал очищать крепление. Пальцы всё ещё ныли после удара.

Ничего страшного не произошло. Никто не запишет этот момент в личное дело. Через десять минут половина группы забудет, что он крутил ключ не в ту сторону.

Но Кирилл не забудет.

Он вообще слишком хорошо помнил такие мелочи.

Не формулы из учебника и не номера параграфов. Этого как раз в голове обычно не задерживалось. Зато он помнил, как в восьмом классе ответил у доски «карбюратор», когда учитель спрашивал про коленчатый вал. Помнил, как одноклассники засмеялись. Как девочка с первой парты повернулась и посмотрела на него не зло, а с жалостью.

Жалость была хуже смеха.

Теперь он опять стоял перед железом, которое должно было стать его профессией, и не мог правильно повернуть ключ.

В мастерской номер четыре было холодно даже в начале сентября. Высокие окна пропускали серый свет, в котором пыль и металлическая стружка казались почти серебряными. Вдоль стен стояли верстаки, разобранные коробки передач, старые тормозные диски и двигатели на деревянных поддонах. Над доской висели выцветшие плакаты: устройство сцепления, система охлаждения, порядок работы четырёхтактного двигателя.

На одном из плакатов поршень выглядел чище и счастливее всех студентов первого курса.

До конца занятия оставалось сорок минут, и Шаталов заставил группу разобрать масляный насос. Он положил детали на чистую ветошь и велел каждому назвать назначение хотя бы одной.

Круглов сразу взял шестерню и начал говорить уверенно, хотя путал ведущую с ведомой. Беляев повторил половину его слов. Максим заявил, что назначение насоса очевидно из названия, чем вызвал у Шаталова выражение глубокой личной усталости.

— Савин, — сказал мастер. — Твоя очередь.

Кирилл взял крышку. На внутренней стороне тянулась дугообразная царапина. Он не помнил точного определения из учебника, но видел, что след повторяет движение шестерни.

— Крышка закрывает корпус и удерживает зазор, — сказал он. — А здесь шестерня задевала. Наверное, износилась втулка или вал перекошило.

Шаталов забрал деталь, провёл ногтем по царапине.

— Почему не сама крышка кривая?

— Тогда след был бы шире. И металл сняло бы не только в одном месте.

Мастер посмотрел на Кирилла внимательнее.

— Уже лучше. Видишь — сначала посмотрел, потом сказал.

Это была маленькая похвала, почти неотличимая от замечания. Кирилл всё равно почувствовал, как внутри что-то выпрямилось.

Круглов тут же спросил, почему Савину засчитали ответ без номера детали по каталогу. Шаталов велел ему сначала правильно назвать шестерню, которую он держит. Группа засмеялась уже над Кругловым, и Кирилл поймал себя на коротком удовлетворении.

Ему не понравилось, насколько оно было приятным.

На перемене студенты вышли во двор за мастерскими. Там стояли бетонные урны, два искривлённых турника и курилка, официально не существовавшая. Старшекурсники прятали сигареты в ладонях, хотя мастера прекрасно знали, что происходит.

Максим купил в автомате кофе цвета разбавленной ржавчины и предложил Кириллу попробовать.

— Я жить хочу.

— Ты пессимист. Это напиток будущего специалиста.

— Почему?

— После него моторное масло кажется вкусным.

Рядом спорили Круглов и Беляев. Один утверждал, что через три года устроится на комбинат и будет получать сорок тысяч. Второй говорил, что уедет в Екатеринбург, откроет тюнинг-ателье и никогда больше не наденет рабочий халат.

Максим слушал, улыбаясь.

— А ты куда? — спросил он у Кирилла.

— После колледжа?

— Нет, после смерти. Конечно после колледжа.

Кирилл посмотрел на трубы комбината. Дым висел над городом ровной полосой, как второй потолок.

— Не знаю.

— Очень амбициозно.

— А ты?

— Сервис открою. Небольшой. Четыре подъёмника, шиномонтаж, нормальная комната для клиентов. Чтобы кофе был не такой, как это.

Он поднял пластиковый стакан.

— Деньги где возьмёшь?

— Найду.

— Где?

— В мире.

Максим говорил это не как план и не как шутку. Он действительно считал, что деньги где-то существуют и при достаточной настойчивости согласятся перейти к нему.

Кирилл завидовал не будущему сервису. Он завидовал способности произносить «найду» без внутреннего списка причин, почему не получится.

— Ты всё заранее хочешь знать, — сказал Максим, словно услышал его мысли. — Сколько денег, где помещение, кто даст разрешение. Так не бывает.

— Поэтому половина сервисов закрывается через год.

— А половина остаётся.

— Не половина.

— Вот видишь. Ты даже мечту хочешь сначала проверить статистикой.

Во двор вышел Шаталов.

— Перерыв закончился. Пахомов, вылей биологическое оружие и в мастерскую.

Максим сделал последний глоток и поморщился.

— Однажды, Савин, я стану богатым и найму человека, который будет пить плохой кофе вместо меня.

— Очень полезный сотрудник.

— Главное — правильно распределять обязанности.

Когда они вернулись к двигателю, Кирилл ещё раз посмотрел на царапину внутри насоса. Он не был лучшим в группе. Не обладал опытом Круглова, уверенностью Максима или руками Шаталова. Но иногда видел вещь, которую другие пропускали.

Этого было мало, чтобы изменить жизнь.

Но достаточно, чтобы продолжать смотреть.

Кирилл поступил в Горновский промышленный колледж меньше месяца назад. Пока ему нравилось только то, что здесь почти не было школьных учителей, говоривших о будущем так, будто оно начинается сразу после последнего звонка.

В колледже будущее не начиналось. Оно пахло соляжкой, мокрой спецодеждой и дешёвыми сигаретами за мастерскими.

Почти все в группе были такими же, как он. Кто-то не прошёл в десятый класс. Кто-то сам решил получить профессию. Кого-то отправили родители. Несколько человек уже умели разбирать двигатель лучше преподавателей, потому что с детства помогали отцам в гаражах.

Кирилл не умел.

Отец иногда брал его с собой менять масло или колодки, но серьёзный ремонт предпочитал делать один. Говорил, что с помощником дольше. Кирилл тогда стоял рядом, подавал ключи и старался не спрашивать лишнего.

Теперь от него ожидали, что он сам станет человеком, которому подадут ключи.

Он снова взялся за болт. На этот раз повернул правильно.

Крепление поддалось почти сразу.

— Смотри, — сказал Максим. — Железо тебя простило.

— Оно просто не знало, что я с тобой работаю.

— Кирилл, ты слишком напряжённый.

— Потому что один из нас должен думать.

— Вот это твоя ошибка. От этого морщины появляются.

Максим был выше, шире в плечах и разговаривал так, будто знаком со всеми людьми в городе. За первые три недели он успел подружиться с половиной курса, двумя старшекурсниками, охранником и женщиной из столовой, которая теперь клала ему в пюре дополнительную котлету.

Кирилл не понимал, как это работает.

Максим не был особенно умным, красивым или богатым. Он просто не сомневался, что окружающим будет приятно его видеть.

И почему-то часто оказывался прав.

— Ты вечером куда? — спросил Максим.

— Домой.

— Это не место назначения. Это капитуляция.

- У меня денег нет.
- У меня тоже.
- Тогда особенно интересно.
- Пойдём к Лысому. У него брат из армии вернулся. Будет народ.
- Я его не знаю.
- И что? К концу вечера будешь знать.

Кирилл вытащил болт и положил его в жестяную коробку.

- Не хочу.
- Боишься?
- Чего?
- Людей.

Кирилл посмотрел на него.

- Да. Особенно одного.
- Значит, пойдёшь.
- Почему?
- Потому что там будет Соколова.

Кирилл замер лишь на долю секунды, но Максим заметил.

Конечно, заметил.

- Какая Соколова?

— Кира. Медицинский колледж. Тёмные волосы. Зелёная куртка. Ты вчера в автобусе чуть шею не сломал, пока делал вид, что смотришь в окно.

- Я не смотрел.
- Именно. Ты просто сидел лицом назад двадцать минут.

Кирилл почувствовал знакомое раздражение. Максим угадывал вещи, которые Кирилл предпочитал не объяснять даже себе.

Киру Соколову он видел четыре раза. Один раз возле остановки, два раза в автобусе и ещё один — в магазине возле дома. Они ни разу не разговаривали.

Она не была похожа на девушек из фотографий, которые Максим сохранял на телефон и показывал всем подряд. В ней не было ничего вызывающего. Тёмные волосы, тонкое лицо, спокойный взгляд. Она читала в автобусе учебник по анатомии, придерживая страницу большим пальцем.

Кирилл тогда пытался рассмотреть название раздела и не заметил свою остановку.

- Она меня не знает, — сказал он.
- Вот потому и надо прийти.
- Чтобы она узнала, что я не умею откручивать болты?
- Про болт я ей не скажу.
- Какая щедрость.
- Но могу сказать, что ты загадочный.
- Не надо.
- Или что у тебя богатый внутренний мир.

— Максим.

- Хорошо. Скажу, что ты немой.

Шаталов хлопнул ладонью по столу.

- Разговорчивые механики, внимание сюда.

Шум в мастерской стих.

— На сегодня заканчиваем. Инструмент сдать, рабочие места убрать. В конце дня староста подойдёт ко мне.

Кто-то возле окна спросил:

- А двигатель?

— Двигатель до завтра никуда не уйдёт. В отличие от некоторых деталей, если вы продолжите складывать их в карманы.

Парни начали убирать инструменты.

Кирилл протёр ключ и положил его в ящик. На ладони осталась чёрная полоса масла. Он вытер её о ветошь, потом посмотрел на царапину на костяшке.

Было только половина третьего. В школе в это время ещё шли уроки. Теперь же он мог выйти из колледжа и распоряжаться остатком дня почти как взрослый.

Почти.

Взрослость пока выражалась в том, что проезд подорожал, а мать перестала спрашивать, сделал ли он домашнее задание. Вместо этого она спрашивала, когда он найдёт подработку.

Возле раздевалки Максим снова поднял тему вечера.

— В семь возле «Октября».

— Я не пойду.

— Ты сейчас так думаешь.

— И через пять часов тоже буду.

— Напишу тебе в «Контакте».

— У меня интернет только с компьютера.

— Тогда позвоню.

Кирилл достал из кармана Nokia. Серебристый корпус был исцарапан, кнопка «вниз» иногда срабатывала дважды.

— У меня пять рублей.

— Я сброшу.

— Я не перезвоню.

— Поэтому и дружим. Ты создаёшь препятствия, я их преодолеваю.

На улице пахло осенним дымом и горячим металлом. За колледжем проходила железнодорожная ветка, дальше поднимались трубы комбината. Дым растягивался над городом длинным серым слоем, из-за которого солнце выглядело бледным и плоским.

Горновск был построен вокруг металла.

Металл здесь добывали, плавил, резали, перевозили, продавали и снова превращали в то, что однажды вернётся ржавым ломом. На комбинате работал отец. На комбинате раньше работал дед. Половина одноклассников Кирилла собиралась после учёбы туда же.

Город не запрещал мечтать о другой жизни.

Он просто не предлагал её всерьёз.

Максим пошёл к трамвайной остановке, а Кирилл свернул во дворы. До дома было почти сорок минут пешком, зато можно было не тратить двенадцать рублей на маршрутку.

Он шёл мимо гаражей, киосков и пятиэтажек с облупившейся краской. Из открытого окна на первом этаже играла песня, которую последние две недели крутили из каждого телефона. У подъезда две женщины обсуждали цены на сахар. На детской площадке мальчик в школьной форме бил ногой пустую пластиковую бутылку.

Кирилл достал телефон.

Новых сообщений не было.

Он всё равно открыл папку с фотографиями. Там были снимки машин, несколько кадров с выпускного, фотография кота и неудачный снимок Киры, сделанный из окна автобуса.

На фотографии почти ничего нельзя было разобрать. Только зелёную куртку и часть лица.

Кирилл удалил снимок.

Потом восстановил его из корзины.

Дома никого не было.

На кухонном столе лежала записка от матери:

«Суп в холодильнике. Яну заberi от Светы в шесть. Хлеб купи».

Рядом стояли пятьдесят рублей.

Кирилл положил деньги в карман, разогрел суп и включил старый компьютер. Системный блок загудел так, будто внутри запускалась турбина. Пока загружалась Windows, он успел поесть и помыть тарелку.

Интернет подключался через USB-модем. Полоска соединения мигала почти минуту.

В «Контакте» было три сообщения.

Одно — от Максима:

«в 7 у октября не тупи»

Второе — приглашение в группу с названием «ПАЦАНЫ ГОРНОВСКА».

Третье — от незнакомого аккаунта без фотографии:

«Ты из 14 группы?»

Кирилл открыл страницу отправителя.

Кира Соколова.

На главной фотографии она стояла возле реки, прищурившись от солнца. В информации было указано: семнадцать лет, не замужем, медицинский колледж. На стене — фотографии подруг, музыка, несколько цитат и результаты теста «Какой ты персонаж из “Сумерек”».

Кирилл перечитал сообщение.

«Ты из 14 группы?»

Он положил руки на клавиатуру.

Напечатал:

«Да».

Стер.

Напечатал:

«Привет. Да, а что?»

Стер.

Напечатал:

«Да, из 14».

Потом задумался, не выглядит ли это слишком сухо.

Через пять минут отправил:

«Привет. Да, из 14 группы».

Ответ пришёл почти сразу.

«Вы сегодня в мастерской были?»

На экране ничего не изменилось.

«Да».

Потом добавил:

«А что случилось?»

Несколько секунд возле её имени отображалось, что она печатает.

«Вы нашли флешку? Подруга могла там оставить. Красная».

Кирилл почувствовал разочарование, почти физическое.

Разумеется. Она написала не ему. Она написала человеку из нужной группы.

Он ответил:

«Не видел. Завтра спрошу».

«Спасибо»

На этом разговор закончился.

Кирилл ещё несколько минут смотрел на сообщение. Скобка после слова «спасибо» казалась либо вежливостью, либо началом чего-то, либо ничем. В зависимости от того, чего хотелось ему самому.

Он закрыл страницу и открыл поиск подработки.

На одном сайте требовался грузчик. На другом — расклейщик объявлений. В автосервис искали помощника с опытом работы от года.

Кирилл представил, как приходит и объясняет, что опыта у него нет, но зато сегодня он почти самостоятельно открутил болт. После небольшой войны с направлением резьбы.

Он закрыл и эту страницу.

На рабочем столе лежал файл с названием «идеи». Внутри находился список того, чем он мог бы заняться, чтобы заработать деньги:

1. Ремонтировать компьютеры.
2. Перепродавать телефоны.
3. Сделать сайт.
4. Снимать ролики.
5. Придумать полезную программу.
6. Открыть автосервис.
7. Выиграть в лотерею.

Последний пункт он добавил как шутку, но не удалил.

Кирилл открыл калькулятор.

Если откладывать по пять тысяч рублей в месяц, на поддержанную машину можно накопить примерно за два года. Если не тратить ни на что другое. Если найти работу. Если родители не попросят помочь. Если машина не подорожает.

Слово «если» было главным финансовым инструментом их семьи.

Если отцу дадут премию, купят новый холодильник.

Если мать возьмёт дополнительные смены, можно будет съездить летом к родственникам.

Если Кирилл хорошо закончит колледж, найдёт нормальную работу.

Если повезёт.

Ему не нравилось, сколько вещей в жизни зависело от того, что никто не мог контролировать.

В шесть он забрал сестру от её подруги, купил хлеб и вернулся домой.

Отец уже сидел на кухне. Сергей Савин ел суп прямо из кастрюли, не переливая в тарелку. Рабочая куртка висела на спинке стула. На лице оставалась металлическая пыль, въевшаяся в кожу вокруг глаз.

— Здорово, — сказал он.

— Привет.

— Как практика?

— Нормально.

— Что делали?

— Двигатель разбирали.

— Какой?

Кирилл назвал модель.

Отец кивнул.

— Хороший был мотор. Если не убитый.

— Убитый.

— Значит, хороший учебный.

Яна прошла на кухню и сразу взяла со стола кусок хлеба.

— Руки помыла? — спросил отец.

— Они чистые.

— Это ответ на другой вопрос.

Яна закатила глаза, но пошла в ванную.

Отец посмотрел на Кирилла.

— Шаталов у вас мастер?

— Да.

— Толковый мужик. Я его знаю.

Кирилл удивился.

— Откуда?

— Вместе на участке работали. До того как он в колледж ушёл.

— Он говорил?

— А что ему говорить? Ты ещё ничем не отличился.

Фраза была произнесена спокойно, без упрёка. Именно поэтому задела сильнее.

Кирилл открыл холодильник.

— Ясно.

Отец продолжал есть.

— В субботу ко мне в гараж поедешь.

— Зачем?

— Машину посмотрим. Рулевую тянет.

— У меня дела.

— Какие?

Кирилл не придумал ни одного убедительного дела.

— Не знаю пока.

— Тогда поедешь.

Сергей отложил ложку.

— Учиться надо не только на стендах. В колледже тебе покажут чистый двигатель. А в жизни он будет грязный, ржавый и собран человеком, который половину болтов потерял.

— Я понимаю.

— Пока нет.

Отец говорил не зло. Он вообще редко повышал голос. Но рядом с ним Кирилл часто чувствовал себя незавершённой версией взрослого человека.

Сергей Савин не был человеком, которого можно было назвать несчастным. По крайней мере, сам он бы не согласился.

У него была работа, семья, двухкомнатная квартира, машина, которую он поддерживал в рабочем состоянии почти без помощи сервиса. Раз в год они ездили к родственникам на озеро. Иногда отец покупал что-нибудь не необходимое: хороший набор ключей, зимние ботинки дороже обычных, новый телевизор в кредит.

Но Кирилл видел, как всё это складывается.

Отец вставал в пять сорок. Возвращался после семи. Если на участке случалась авария, мог прийти ночью. По воскресеньям ремонтировал машину, кран, проводку или вещи знакомых, потому что за дополнительную работу давали деньги, продукты или ответную помощь.

Когда Сергей говорил «нормально живём», это означало, что в этом месяце никто не заболел, ничего крупного не сломалось и платёж по кредиту прошёл вовремя.

Кирилл уважал его.

И именно поэтому боялся стать таким же.

Не потому, что в жизни отца было что-то постыдное. Наоборот. Страшно было другое: Сергей делал почти всё правильно, много работал, почти не пил, не бросал семью, умел чинить вещи — и всё равно любое неожиданное событие могло отбросить их на несколько месяцев назад.

Сломанный холодильник. Лекарства. Сокращение смен. Ремонт машины.

Человек мог быть ответственным, сильным и полезным, но оставаться зависимым от случайности.

— Ты чего смотришь? — спросил отец.

Молчание затянулось.

— Ничего.

— Тогда не стой в холодильнике. Холод выпустишь.

Кирилл закрыл дверцу.

Ему захотелось спросить, доволен ли отец своей жизнью. Вопрос показался одновременно важным и жестоким. Если Сергей ответит «да», Кирилл не поверит. Если «нет», что изменится?

— Пап.

— Что?

— Ты хотел работать на комбинате?

Отец посмотрел с лёгким удивлением.

— Когда?

— Вообще. В моём возрасте.

Сергей вытер ложку хлебом.

— В твоём возрасте я хотел мотоцикл.

— А потом?

— Потом нужна была работа.

— И всё?

— А что ещё?

Кирилл пожал плечами.

— Не знаю.

— Вот когда узнаешь, тогда и спрашивай.

Ответ мог показаться отговоркой. Но Кирилл вдруг понял: отец не рассматривал жизнь как единый выбор. Работа появилась, потому что была нужна. Семья — потому что он любил Наталью. Квартира — потому что родилась Яна и стало тесно. Одно решение тянуло другое, пока человек не обнаруживал себя в точке, которую никогда отдельно не выбирал.

Кирилл боялся не тяжёлой работы.

Он боялся однажды оглянуться и понять, что вся жизнь произошла по умолчанию.

Неумелой заготовкой.

— Ты в моём возрасте уже всё умел? — спросил Кирилл.

Сергей задумался.

— Нет. Но я не делал вид, что понимаю.

— Я тоже не делаю.

— Сейчас делаешь.

Яна вернулась на кухню и почувствовала напряжение раньше, чем успела сесть.

— Мамы ещё нет?

— Смена, — сказал отец.

Разговор закончился.

В семь позвонил Максим.

Телефон проиграл короткий фрагмент мелодии, который Кирилл сам обрезал на компьютере.

Он посмотрел на экран и сбросил вызов.

Через десять секунд пришло сообщение:

«мы тут. кира тоже»

Кирилл положил телефон на стол.

Потом взял.

Написал:

«не могу сестра дома»

Это было почти правдой.

Отец ушёл в душ. Яна сидела в комнате и смотрела сериал. Через час должна была вернуться мать.

Кирилл мог уйти.

Он представил компанию возле кинотеатра «Октябрь». Максим разговаривает со всеми сразу. Кира стоит рядом с подругой. Кирилл подходит. Кто-то спрашивает, кто он такой. Максим начинает представлять его как загадочного автомеханика. Затем повисает пауза, в которой от Кирилла ждут чего-то интересного.

Он не идёт.

Ничего не происходит.

Через несколько лет никто не вспомнит этот вечер.

Проблема заключалась в том, что почти вся его жизнь состояла из событий, которые никто не будет помнить.

Около девяти вернулась мать. Наталья сняла обувь в коридоре и прислонилась спиной к стене, прежде чем пройти дальше.

— Есть будешь? — спросил Кирилл.

— Потом.

— Там суп.

— Знаю.

Она вошла на кухню, поцеловала его в макушку и открыла кран.

— Ты чего дома?

— А где мне быть?

— Максим звонил.

Кирилл нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Ты телефон на столе оставил, — сказала Яна.

— Она читала сообщения?

— Она увидела имя.

Мать посмотрела на него внимательнее.

— Ты поругался с кем-то?

— Нет.

— Тогда почему такой?

— Какой?

— Как будто тебя уже отправили на работу, пенсию и кладбище в один день.

Кирилл усмехнулся.

— Просто устал.

— От первого месяца учёбы?

— Можно подумать, ты не устаёшь.

— Я устаю. Поэтому и спрашиваю.

Она выключила воду.

— Кирилл, ты всё время чего-то ждёшь.

— Чего?

— Не знаю. Как будто настоящая жизнь должна отдельно начаться.

Он хотел возразить, но не нашёл точных слов.

Мать открыла холодильник.

— Завтра после колледжа зайди к отцу в гараж. Он говорил?

— Говорил.

— Там какой-то старый бокс колледжу передали. Отец поможет Шаталову посмотреть машины.

— Зачем мне туда?

— Затем, что ты учишься на механика.

— Я сегодня весь день был в мастерской.

— Тогда ещё один гараж тебя не убьёт.

Кирилл ничего не ответил.

Ночью он долго не мог уснуть.

За стеной тихо работал телевизор. Во дворе несколько раз хлопнула дверь подъезда. По дороге проехал грузовик, и стекло в окне едва заметно задрожало.

На телефоне было новое сообщение от Киры.

«Флешку нашли. Но всё равно спасибо».

Кирилл прочитал его три раза.

Потом ответил:

«Хорошо».

Слишком сухо.

Добавил:

«А что там было важного?»

Удалил.

Написал:

«Не за что».

Отправил.

Телефон больше не загорался.

Кирилл лежал, смотрел в потолок и думал, что где-то существуют люди, у которых всё начинается само.

Они случайно знакомятся с нужными людьми. Находят хорошую работу. Покупают машины. Уезжают в другие города. Придумывают вещи, которыми потом пользуются миллионы.

Он понимал, что в реальности за каждым таким случаем стоят работа, связи, деньги и десятки незаметных решений.

Но со стороны всё равно казалось, что одним людям жизнь постоянно открывает двери, а перед другими оставляет только стену и инструкцию по её ремонту.

Утром Шаталов объявил, что после занятий нужны четверо добровольцев.

Никто не поднял руку.

Мастер осмотрел группу.

— Хорошо. Тогда добровольцами будут Савин, Пахомов, Круглов и Беляев.

Максим повернулся к Кириллу.

— Чувствуешь свободу выбора?

— Особенно добровольную.

— Куда едем? — спросил кто-то.

Шаталов сверился с бумагой.

— На улицу Прокатчиков. Старые гаражи транспортного цеха. Колледжу передали помещение и пять автомобилей под разбор. Посмотрим, что можно использовать для практики.

— А там что за машины? — спросил Максим.

— На месте увидишь.

— Иномарки?

— Конечно. Два «Мерседеса», «Феррари» и служебная колесница римского императора.

Группа засмеялась.

Шаталов продолжил:

— По предварительному списку три «Жигуля», микроавтобус и старая «Волга». Гараж закрыт лет пятнадцать. Поэтому руками ничего не трогать, пока не проверим.

После занятий они погрузились в служебную «Газель». Отец Кирилла сидел впереди рядом с водителем.

Увидев сына, он только кивнул, будто их вчерашнего разговора не было.

Гаражи находились за старой железнодорожной веткой, возле пустующего склада. Ворота крайнего бокса почти полностью покрывала ржавчина. Над ними висела табличка с выцветшим номером семь.

Шаталов долго возился с замком.

Когда дверь наконец поддалась, изнутри пахло холодной пылью, сыростью и старым бензином.

Свет из проёма лёг на бетонный пол.

В глубине помещения стояли автомобили, покрытые плотным серым слоем. Ближе всех — тёмная «Волга» с провалившимся левым колесом. Её капот был приоткрыт, а задняя дверь не до конца закрыта.

Максим присвистнул.

— Вот это кладбище.

Отец Кирилла включил фонарь.

— Сначала воздух проверим. Потом электрику. Без команды не лезть.

Кирилл стоял у входа и смотрел на «Волгу».

В машине не было ничего особенного. Старая, тяжёлая, никому не нужная. Через несколько недель студенты разберут её на детали. То, что ещё можно использовать, отправят в мастерские. Остальное увезут как металл.

И всё же ему показалось, что внутри автомобиля что-то блеснуло.

Не стекло.

Не хром.

Тусклый жёлтый отблеск появился между спинкой заднего сиденья и дверью, а потом исчез, когда отец повёл фонарём дальше.

— Савин, — сказал Шаталов. — Чего застыл?

Кирилл показал на машину.

— Там что-то лежит.

— Потом посмотрим.

Он кивнул, но глаз от «Волги» не отвёл.

На запylённом заднем стекле изнутри виднелся след.

Будто кто-то недавно провёл по нему ладонью.

ГЛАВА 2. ЛИШНЯЯ ДЕТАЛЬ

В гараже было холоднее, чем на улице.

Не просто прохладно. Холод здесь сохранялся как запах старой ткани: прятался в бетоне, в металлических воротах, в сиденьях машин и поднимался от пола, стоило человеку задержаться на месте.

Шаталов первым вошёл внутрь. За ним — отец Кирилла и водитель «Газели», худой мужчина в оранжевом жилете. Они открыли боковые окна под потолком, проверили щиток и долго обсуждали, можно ли включать свет.

— Кабель меняли до консервации, — сказал водитель, рассматривая пожелтевшую бирку. — Но это было ещё при Союзе.

— Союз закончился двадцать лет назад, — заметил Максим.

— Спасибо, историк. Теперь электричество безопаснее.

Шаталов не разрешил включать рубильник. Вместо этого всем выдали фонари.

— Сначала осмотр, — сказал он. — Ничего не заводить. Аккумуляторы не трогать. Канистры не открывать. Под машины не лезть. Если увидите провод, не проверяйте языком, есть ли напряжение.

Максим поднял руку.

— А пальцем?

— Тебе можно языком.

Они разделились. Круглов и Беляев пошли к двум «Жигулям» у дальней стены. Максиму достался микроавтобус. Кирилл остался возле «Волги» вместе с отцом.

Тусклый отблеск больше не появлялся.

Сергей дёрнул водительскую дверь. Та не открылась.

— Заклинило, — сказал Кирилл.

— Это я заметил.

Отец просунул отвёртку возле замка, несколько раз нажал на ручку и, не прилагая заметного усилия, распахнул дверь.

Из салона пахло плесенью, старым дерматином и чем-то сладковатым.

— Вот так заклинило, — сказал Сергей.

Кирилл промолчал.

Отец посветил внутрь. На переднем сиденье лежали свернутые газеты, пустая бутылка из-под минеральной воды и одинокая рабочая перчатка. На панели застыл слой пыли толщиной с палец. В бардачке обнаружились инструкция к магнитоле, дорожная карта области и пачка сигарет без одной штуки.

— Машина чья была? — спросил Кирилл.

Шаталов ответил от капота:

— По документам — транспортного цеха. Персональная. Возила какого-то заместителя начальника.

— Почему здесь осталась?

— Потому что заместителей меняют чаще, чем машины. Потом коробка умерла, ремонт отложили, цех закрыли. Обычная биография.

Кирилл обошёл «Волгу». На задней двери возле ручки осталась полукруглая царапина, будто металл долго тёрся о кольцо. Стекло, на котором он видел след ладони, теперь выглядело равномерно пыльным.

Он провёл пальцем по внешней стороне.

Пыль была сухой и плотной.

— Что ищешь? — спросил отец.

— Ничего.

— Тогда особенно старательно.

Кирилл открыл заднюю дверь. Она поддалась сразу.

Сиденье оказалось продавленным посередине. На полу лежала пачка старых бланков, спичечный коробок и два болта, не принадлежавшие автомобилю. Он посветил между спинкой и дверью.

Ничего жёлтого.

Только кусок ткани, зажатый возле крепления.

Кирилл потянул его и вытащил маленький выцветший мешочек. Внутри что-то звякнуло.

— Нашёл клад? — Максим уже стоял рядом, хотя его назначили к микроавтобусу.

— Иди свою машину проверяй.

— Я проверил. Там шесть пустых бутылок и журнал за девяносто восьмой год. Историческая ценность исчерпана.

Кирилл развязал мешочек.

Внутри лежали два латунных ключа, советская монета и круглая пуговица.

— Поздравляю, — сказал Максим. — Теперь ты богат.

Сергей забрал ключи, сравнил их с замками машины и покачал головой.

— Не отсюда.

— Может, от гаража?

— Гаражный в три раза больше.

Шаталов подошёл, посмотрел находку и положил её на крышу «Волги».

— Всё найденное сначала в ведомость. Потом решим, что мусор, а что имущество.

— Даже пуговицу? — спросил Максим.

— Особенно пуговицу. Вдруг это последняя деталь, на которой держался транспортный цех.

Они вернулись к осмотру.

Под капотом «Волги» не хватало аккумулятора и части проводки. Двигатель был на месте, но свечи выкручены, шланги потрескались, ремень рассыпался при прикосновении. Отец диктовал, Кирилл записывал в блокнот.

— Коррозия стаканов.

— Есть.

— Тормозная система?

Кирилл нажал педаль. Та ушла в пол без сопротивления.

— Нет.

— Не «нет», а разгерметизирована. Мы не стихи пишем.

Кирилл исправил запись.

Максим ходил вокруг с фонарём, периодически находил бесполезные предметы и объявлял их важными археологическими открытиями. Через двадцать минут Шаталов отправил его помогать Круглову, чтобы сохранить остатки дисциплины.

Кирилл снова сел на заднее сиденье.

Там, где он видел отблеск, ничего не было. Он ощупал щель рукой. Пальцы нащупали металл, край пружины и что-то гладкое дальше, за внутренней обшивкой.

— Пап, тут полость есть.

— В двери?

— За боковиной.

Сергей наклонился, посветил.

— У всех машин полости есть. Иначе весили бы как танк.

— Там что-то лежит.

— Не вырывай обшивку. Потом в колледже снимете нормально.

Кирилл убрал руку.

Гладкий предмет находился глубже, чем мог достать. На секунду ему показалось, что тот был тёплым.

Это не имело смысла.

В гараже температура едва превышала десять градусов. Машина стояла здесь много лет. Никакой металл внутри не мог быть тёплым.

Он снова просунул пальцы.

Предмет исчез.

Кирилл ощупал всю полость. Только холодная внутренняя панель.

— Савин, — позвал Шаталов. — Иди сюда.

Возле дальнего «Жигуля» обнаружили провал в полу. Бетон под задним колесом рассыпался, открыв узкую яму с водой. Машину требовалось закрепить, прежде чем продолжать осмотр.

Следующие полтора часа Кирилл носил доски, держал фонарь и подавал инструменты. О находке пришлось забыть.

К концу работы стемнело. В гараже стало совсем мрачно, лучи фонарей скользили по кузовам, и машины казались не заброшенными, а терпеливо ждущими.

Шаталов собрал всех у ворот.

— Завтра начнём вывозить то, что идёт в мастерские. «Волгу» пока не трогаем. Сначала документы посмотрю.

— А если там крысы? — спросил Беляев.

— Крысы умнее, чем жить в вашей учебной машине.

Отец Кирилла проверил, закрыты ли двери. Когда он дошёл до «Волги», Кирилл увидел, что задняя дверь снова приоткрыта.

— Я её закрывал, — сказал он.

Сергей нажал на дверь. Замок щёлкнул.

Отец не отошёл сразу. Он несколько раз открыл и закрыл дверь, проверяя язычок замка.

— Пружина слабая, — сказал он. — Если кузов стоит с перекосом, может не держать.

Провалившееся колесо объясняло открытую дверь, но ничего — жёлтую точку в темноте.

— Эта машина давно здесь? — спросил он.

Шаталов, закрывавший ведомость, ответил:

— По документам — с девяносто шестого. До этого числилась за транспортным цехом. Потом цех объединили с другим, имущество таскали из списка в список. В итоге про гараж забыли.

— А кто на ней ездил?

— Савин, тебе двигатель нужен или родословная?

— Просто интересно.

Отец посветил на номерной знак, валявшийся под передним сиденьем.

— Служебная была. Такие обычно начальство возили.

На заднем стекле изнутри остался прямоугольник более чистой пыли. Раньше там могла висеть шторка или табличка. Кирилл представил человека в костюме, который десятилетия назад садился на это сиденье, курил сигареты из найденной пачки, держал на коленях папку. Представил водителя, маршрут по заводским улицам, разговоры, давно утратившие значение.

Машина хранила следы чужой жизни, но не объясняла ни одного.

— Документы по ней сохранились? — спросил Кирилл.

— В архиве, может быть, — сказал Шаталов. — Только никто ради твоего любопытства коробки девяностых перебирать не будет.

— Я могу сам.

— Сначала научись перебирать коробку передач.

Максим, стоявший у ворот, поднял найденный автомобильный атлас.

— Тут маршрут ручкой отмечен.

Шаталов махнул рукой:

— В ведомость и на крышу.

Атлас был издания 1988 года. Несколько дорог обведены синим карандашом. Одна линия уходила далеко на юг, к границе области, и заканчивалась у маленького посёлка, название которого расплылось от воды.

Между страницами лежал выцветший листок. На нём сохранились три слова: «передать лично, не вскрывать».

— О, шпионская почта, — сказал Максим.

— Обычная служебная записка, — ответил Сергей.

— А что передать?

— Если бы было написано, не пришлось бы не вскрывать.

Отец забрал листок и положил к остальным находкам. Кирилл увидел на обороте слабый круглый след, будто бумага много лет лежала под металлическим предметом с узким основанием.

Размер совпадал с жёлтым отблеском, который он заметил в салоне.

Он ничего не сказал.

По дороге домой Кирилл пытался убедить себя, что связь придумана. Круглый след мог оставить термос, бутылка, деталь. Записка могла относиться к чему угодно. Свет мог быть отражением фонаря.

Но в его голове три случайности уже стояли рядом.

Вечером он нашёл в интернете упоминание транспортного цеха. Страница загружалась медленно, изображения появлялись полосами. В старой городской статье рассказывалось о реорганизации предприятия. Среди фотографий была чёрная «Волга» возле административного корпуса.

Номер прочитать не удалось.

Рядом стояли трое мужчин. Один держал портфель, другой закрывал дверь машины, третий смотрел прямо в объектив. Кирилл увеличил снимок до квадратов.

На заднем сиденье, за стеклом, виднелось светлое пятно.

Он сохранил фотографию.

Потом несколько раз открывал и закрывал её, проверяя, не исчезнет ли пятно.

Оно оставалось.

— Значит, не закрыл.

— Я проверял.

— Кирилл, железо не открывается из принципа. Либо замок, либо руки.

Шаталов погасил фонарь. Все вышли наружу.

Пока мастер запирает ворота, Кирилл оглянулся.

Между створками оставалась узкая щель. Внутри было абсолютно темно.

И всё же он увидел жёлтую точку.

Она находилась на уровне заднего сиденья «Волги».

Свет мигнул и исчез.

— Ты едешь? — окликнул Максим.

Кирилл вышел.

В «Газели» он сел у окна. Отец разговаривал с Шаталовым о состоянии машин. Максим рассказывал Круглову историю про водителя, который якобы умер прямо за рулём микроавтобуса и теперь по ночам включает фары.

— Ты сам это придумал две минуты назад, — сказал Кирилл.

— Хорошая история не обязана быть старой.

— Она обязана быть хотя бы хорошей.

— Чего ты там всё искал?

— Ничего.

— Ты сегодня нашёл мешок с сокровищами и всё равно недоволен. У тебя завышенные требования к судьбе.

За поворотом тёмные гаражи сливались в одну стену.

— Мне показалось, там что-то было.

— В машине?

— За обшивкой.

— Мышь.

— Мыши не блестят.

— Богатая мышь.

Максим быстро потерял интерес и начал спорить с Кругловым о том, можно ли восстановить старый микроавтобус и продать его дороже металлолома.

Кирилл достал телефон. Связи не было.

В отражении стекла он увидел собственное лицо: тёмные волосы, царапину у подбородка, след машинной пыли на щеке. Ничего особенного. Лицо человека, которому иногда мерещатся огни в заброшенных автомобилях.

Дома мать спросила, почему он так поздно.

— Гараж смотрели.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Старые машины.

— Для тебя это должно быть интересно.

— Должно.

Он вымыл руки дважды, но запах гаража остался на пальцах. За ужином отец рассказывал о машинах и говорил, что из «Волги», возможно, удастся снять задний мост и часть салона. Кирилл спросил, когда они вернутся.

— В понедельник или вторник, — ответил Сергей. — А тебе зачем?

— Просто.

— Просто ты сегодня чуть в дверь не залез.

— Там обшивка отходит.

— Вот в колледже и снимете. С инструментом. Не ногтями.

Ночью Кириллу приснилось, что он сидит на заднем сиденье «Волги».

Гараж вокруг был пустым. Других машин не существовало. Ворота исчезли, стены уходили вверх и терялись в темноте.

Внутри двери кто-то царапал металл.

Кирилл пытался открыть ручку, но она становилась мягкой и тёплой, как человеческая ладонь.

Потом из-за обшивки раздался голос:

— Не туда.

Он проснулся резко, с поднятой рукой.

В комнате было темно. Яна дышала за перегородкой, родители спали. На столе мигал индикатор телефона.

Новое сообщение пришло от Максима в два часа ночи:

«волга твоя горела?»

Кирилл сел.

Он набрал:

«что?»

Ответ пришёл через минуту.

«лысый живет рядом с гаражами. говорит ночью там свет был. может охрана»
«какой свет?»

«желтый внутри. да забей»

Кирилл не забил.

Утром он первым делом спросил отца, есть ли в гараже охрана.

— Нет. Территория закрытая.

— Электричество?

— Мы не включали.

— А аккумуляторы в машинах?

— Почти все сняты. В «Волге» точно нет.

Отец посмотрел внимательнее.

— Ты чего?

— Максим сказал, там ночью свет был.

— Максим много чего говорит.

— Его знакомый видел.

— На территории склад. Могли фонарём пройти.

Объяснение было нормальным. Кирилл даже хотел в него поверить.

Но вечером ему снова приснился гараж.

На этот раз голос не говорил. Кто-то медленно провёл чем-то острым по внутренней стороне двери: один долгий скрежет оборвался двумя короткими щелчками.

Проснувшись, Кирилл обнаружил, что сам стучит пальцами по стене.

В понедельник Шаталов объявил, что «Волгу» разрешили использовать для практики. Машину собирались перевезти во двор колледжа в среду.

— Сегодня снимем салон, — сказал мастер. — Савин и Пахомов — задняя часть. Круглов и Беляев — передняя. Всё крепёжное складывать по пакетам, подписывать. Кто потеряет болты, будет покупать новые из своей будущей зарплаты.

Кирилл почувствовал облегчение, слишком сильное для обычного учебного задания.

Они приехали в гараж после обеда.

На этот раз генератор подключили снаружи. Под потолком загорелись две лампы, одна сразу начала мигать. Машины перестали походить на призраков и стали тем, чем являлись: ржавым имуществом, которое слишком долго никто не хотел списывать.

Кирилл открыл заднюю дверь «Волги».

Она была заперта.

— Странно, — сказал Максим. — В пятницу открывалась.

— Замок клинит.

— Или водитель-призрак не хочет отдавать салон.

Сергей сегодня не приехал. Шаталов выдал им набор инструментов и показал порядок снятия сидений.

Они открутили крепления. Максим работал быстро, но постоянно путал снятые болты. Кирилл подписывал пакеты и заставлял его складывать детали по порядку.

— Ты из тех людей, которые носки по цветам раскладывают? — спросил Максим.

— Я из тех людей, которым потом не приходится искать половину машины под шкафом. Заднее сиденье оказалось тяжёлым. Они вытащили его наружу и поставили возле стены.

За спинкой обнаружили старые квитанции, две монеты, сломанная ручка и высохшее яблочное семечко.

Жёлтого предмета не было.

— Всё? — спросил Максим. — Тайна века закончилась мусором?

Кирилл посветил в боковую полость.

Внутренняя обшивка крепилась на нескольких винтах. Один отсутствовал. Другой был новым, заметно новее остальных.

— Дай крестовую.

— Зачем?

— Снимем панель.

— Шаталов говорил салон разбирать, а не машину до атомов.

— Это часть салона.

Максим пожал плечами и протянул отвёртку.

Первый винт вышел легко. Второй пришлось очищать от ржавчины. Новый винт оказался затянут так сильно, будто его вкручивали специально, чтобы никто не открыл панель.

Кирилл нажал сильнее.

Головка поддалась.

— Вот теперь ты крутишь в правильную сторону, — заметил Максим.

Кирилл снял панель.

За ней находилась заводская полость, заполненная серой пылью и клочьями шумоизоляции. Внизу был втиснут свёрток из промасленного брезента, притянутый к стойке потемневшей медной проволокой.

Он не был частью автомобиля.

Проволоку затянули так давно, что она врезалась в ткань. На верхнем слое брезента выцвела ломаная спираль, замкнутая вокруг пустого центра.

Максим перестал шутить.

— Это что?

— Не знаю.

— Может, деньги.

— Может, документы.

— Может, человеческая рука.

— В свёртке толщиной пять сантиметров?

— Очень маленькая.

Кирилл дотронулся до ткани.

Ткань была тёплой.

Не слегка теплее воздуха. Почти как батарея в начале отопительного сезона.

Он резко отдернул руку.

— Горячая? — спросил Максим.

— Тёплая.

Максим коснулся свёртка.

— Обычная.

— Ты не чувствуешь?

— Чувствую пыль и возможное богатство.

Кирилл приложил ладонь снова.

Тепло исчезло.

Шаталов работал возле другой машины. Кирилл позвал его, но в этот момент снаружи что-то грохнуло. Круглов уронил домкрат, и мастер пошёл разбираться.

— Откроем сами, — предложил Максим.

— Он сказал всё найденное в ведомость.

— Мы сначала установим, что нашли. Вдруг там личные вещи.

— Ты пять минут назад надеялся на деньги.

— Деньги тоже личные.

Проволока держалась на простом, но намертво затянутом узле.

Кирилл попытался развязать его пальцами.

Узел не поддавался. Максим перекусил проволоку бокорезами.

Брезент развернулся с сухим шорохом.

Внутри лежала лампа.

Она была меньше, чем Кирилл ожидал от любых сказочных изображений: длиной примерно с его предплечье, с округлым корпусом, узким носиком и ручкой. Металл казался то ли медью, то ли латуню. Поверхность покрывал тёмный налёт, но под ним проступали тонкие линии узора.

— Ну всё, — сказал Максим. — Три желания. Я первый увидел.

— Ты увидел после меня.

— Зато я перекусил проволоку.

Кирилл не ответил.

Лампа выглядела старой, но не настолько старой, как должна была. На ней не было зелёной окиси, вмятин или царапин от долгого хранения. Пыль покрывала брезент вокруг, но не саму лампу.

Будто её положили внутрь недавно.

Он провёл пальцем по корпусу.

Тонкая полоса налёта исчезла. Под ней блеснул жёлтый металл.

В гараже погас свет.

Кто-то выругался. Генератор закашлялся и замолчал.

На несколько секунд всё погрузилось в темноту.

Лампа в руках Кирилла была тёплой.

Изнутри донёсся протяжный металлический скрежет, закончившийся коротким двойным щелчком.

Кирилл чуть не уронил её.

— Ты слышал? — прошептал он.

— Что?

Фонарь Максима включился и осветил его лицо снизу.

— Внутри.

— Там мышь.

— В металлической лампе?

— Очень маленькая и богатая.

Снаружи завёлся генератор. Свет вернулся.

Шаталов крикнул, чтобы никто не двигался, пока не проверят проводку.

Кирилл завернул лампу обратно в брезент.

Скрежет прекратился.

— Надо показать, — сказал он.

Максим смотрел на лампу с явным сожалением.

— Покажем. Но если это антиквариат, колледж заберёт.

— Он и должен забрать. Это имущество из машины.

— Машину бросили пятнадцать лет назад. Кто вообще узнает?

Кирилл уже хотел возразить, но заметил надпись на внутренней стороне брезента.

Буквы были выцарапаны вручную. Не русский алфавит. Не латиница. Некоторые знаки напоминали арабские, другие — геометрические фигуры.

Под ними шла одна короткая строка по-русски:

«НЕ ОТДАВАТЬ ТОМУ, КТО СПРОСИТ».

Максим прочитал её вслух.

— Весёлый бывший владелец.

— Может, розыгрыш.

— Пятнадцатилетний розыгрыш в двери старой машины?

Кирилл слышал шаги Шаталова.

Решение возникло раньше, чем он успел его обдумать.

Он вынул лампу из ящика и сунул под рабочую куртку.

Максим уставился на него.

— Ты чего?

— Потом покажу.

— Кому?

— Не знаю.

— Это воровство.

— Ты сам предлагал забрать.

— Я предлагал теоретически. Когда теоретически воруюсь, уголовной ответственности нет.

Кирилл сложил пустой брезент, спрятал его за обшивкой и вернул панель на место. Сердце билось быстро, хотя ничего опасного ещё не произошло.

Шаталов подошёл через минуту.

— Что нашли?

Кирилл посмотрел на Максима.

Тот открыл рот, затем сказал:

— Старый свёрток.

— Где?

Максим показал на брезент за панелью.

Шаталов развернул брезент и посветил внутрь.

— Пустая.

— Наверное, документы были, — сказал Кирилл.

Ложь прозвучала слабее, чем он надеялся.

Мастер посмотрел на него, потом на Максима.

— Наверное?

— Мы так нашли, — быстро сказал Максим.

Шаталов провёл пальцем по пыли на ткани. Посередине остался чистый контур лампы.

Ещё секунда — и мастер всё увидит.

Но снаружи снова заглух генератор. Кто-то крикнул, что удлинитель искрит.

Шаталов сложил брезент.

— Закончили на сегодня. Инструмент собрать. Машины не трогать.

Он ушёл.

Максим выдохнул.

— Ты мне должен.

— Что?

— Пока не придумал. Но много.

Лампа под курткой давила на рёбра. Кирилл ощущал её тепло даже через ткань.

По дороге домой он почти не разговаривал. В «Газели» сидел рядом с отцом и боялся, что тот заметит выпуклость под одеждой.

— Замёрз? — спросил Сергей.

— Немного.

— Застегнись тогда.

Кирилл застегнул куртку до горла.

Максим, сидевший напротив, демонстративно смотрел в окно.

Когда они вышли возле колледжа, он догнал Кирилла.

— Что будешь делать?

— Посмотрю дома.

— Один?

— Да.

— Почему?

— Потому что если это просто старая лампа, ты будешь смеяться. Если не просто — тем более.

Максим хмыкнул.

— Я должен присутствовать при историческом моменте.

— При каком?

— Когда ты потрёшь её и оттуда вылезет мужик без штанов.

— Он обязательно без штанов?

— В мультиках обычно так.

— В мультиках у него вместо ног дым.

— Значит, экономия на штанах оправданна.

Кирилл остановился возле перекрёстка.

— Никому не говори.

— Особенно Шаталову?

— Особенно ему.

— А если там краденое?

— Тогда верну.

— А если проклятие?

— Тогда отдам тебе.

— Справедливо.

Они разошлись.

Дома никого не было. Мать на смене, отец ещё не вернулся, Яна у подруги.

Кирилл запер дверь, прошёл в комнату и положил лампу на стол.

При дневном свете она выглядела менее загадочно. Старый декоративный предмет. Возможно, сувенир из Средней Азии или дешёвая театральная вещь. Узоры можно было объяснить штамповкой, тепло — нагретой рукой, стук — движением плохо закреплённой детали.

Он сфотографировал лампу на телефон.

На экране вместо изображения появилась белая полоса.

Кирилл нахмурился и сделал второй снимок.

Теперь фотография получилась, но лампа выглядела размытой, хотя стол и стена за ней были резкими.

Третий снимок оказался нормальным.

— Дешёвая камера, — сказал он вслух.

Собственный голос прозвучал неубедительно.

Он включил компьютер и начал искать похожие предметы. Интернет загружал фотографии медленно. Большинство результатов представляли собой сувениры, кальяны, масляные светильники и игрушки.

Некоторые формы были похожи. Ни одного точного совпадения.

Кирилл попробовал определить металл магнитом. Лампа не притянулась. Взвесил её на кухонных весах: стрелка колебалась между шестьюстами и семьюстами граммами, хотя при повторном измерении показала чуть больше килограмма.

Он проверил весы пачкой сахара. Ровно килограмм.

Снова поставил лампу.

Пятьсот двадцать граммов.

Кирилл убрал её и подождал.

В третий раз стрелка остановилась на девятистах.

— Так не бывает.

Из лампы донёлся тихий щелчок.

Он отступил.

Ничего.

Кирилл нашёл фонарик, посветил в носик. Свет проникал внутрь только на несколько сантиметров. Там была тёмная полость, слишком узкая для механизмов.

Он потряс лампу.

Тишина.

Поставил на стол.

Внутри протянулся тот же скрежет и оборвался двойным щелчком.

Телефон зазвонил так внезапно, что Кирилл дёрнулся.

Максим.

— Ну? — спросил тот вместо приветствия.

— Пока ничего.

— Тёр?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не идиот.

— Спорное заявление после кражи проклятого антиквариата.

— Я проверяю.

— Как?

Кирилл рассказал про весы и фотографии.

Максим молчал несколько секунд.

— Принеси завтра.

— Нет.

— Тогда потри.

— С чего ты решил, что её надо тереть?

— Потому что это лампа джинна.

— Это старая металлическая посудина.

— Которая меняет вес и стучит изнутри.

— Весы могут врать.

— Тогда стук делает сахар.

Кирилл посмотрел на лампу.

— Я сначала найду безопасный способ.

— Надень каску.

— До завтра.

— Кирилл.

— Что?

— Если получишь три желания, одно моё.

— За что?

— За молчание.

— Ты не умеешь молчать.

— Вот поэтому услуга дорогая.

Кирилл отключился.

Он не собирался тереть лампу. Не сегодня. Сначала следовало понять происхождение, проверить, нет ли внутри газа, порошка, химического вещества или механизма.

Он отнёс лампу на балкон, положил в пластиковый таз и накрыл старым одеялом.

Через пять минут вернулся проверить.

Лампа лежала на столе.

Кирилл остановился в дверях.

Он точно вынес её. Помнил, как таз скрипнул по плитке. Помнил рисунок на одеяле. Помнил, как закрыл балконную дверь.

Балкон оставался закрытым.

Под одеялом в тазу ничего не было.

Лампа стояла на столе носиком к нему.

Кирилл почувствовал страх.

Не сильный, не парализующий. Чистый, холодный сигнал организма: известные правила не работают.

Он подошёл медленно.

На металле проступила тонкая чистая полоса, словно кто-то провёл пальцем по налёту.

Потом ещё одна.

Буквы появлялись прямо на корпусе.

Русские.

«НУ?»

Кирилл отступил.

Лампа была неподвижна.

— Нет, — сказал он.

Надпись исчезла под тёмным налётом.

Через секунду появилась новая.

«ОСТОРОЖНЫЙ»

— Кто ты?

Ответа не было.

— Ты меня понимаешь?

На корпусе проявилось:

«НАКОНЕЦ-ТО»

Кирилл смотрел, не моргая.

— Если ты можешь писать, зачем нужно, чтобы тебя тёрли?

Новая надпись возникала медленно, будто невидимый палец выводил каждую букву:

«ТРАДИЦИЯ»

Несмотря на страх, Кирилл почти рассмеялся.

— И что будет?

«ТО, ЧЕГО ТЫ ЖДЁШЬ»

— Я ничего не жду.

Металл нагрелся.

«ЛЖЁШЬ»

В коридоре повернулся ключ.

Вернулась мать.

Кирилл схватил лампу и спрятал в нижний ящик стола. Надпись исчезла.

— Ты дома? — крикнула Наталья.

— Да.

— Яну забрал?

Он посмотрел на часы.

Было уже десять минут седьмого.

— Сейчас.

— Кирилл!

— Я забыл.

Мать появилась в дверях, усталая и раздражённая.

— Телефон тебе зачем?

— Сейчас схожу.

— Света звонила. Яна уже сама идёт.

— Извини.

Наталья посмотрела на стол, на весы и магнит.

— Что ты делаешь?

— Физику.

— В колледже задали?

— Сам.

— Добровольно?

— Да.

Она потрогала его лоб.

— Температуры нет.

Когда мать ушла, Кирилл открыл ящик.

Лампа лежала внутри.

Кирилл не коснулся её сразу.

Он закрыл дверь комнаты, пододвинул к ней стул и достал приготовленные вещи: кухонные весы, магнит, стакан воды, линейку, школьный компас и старый фотоаппарат. Всё это выглядело смешно рядом с предметом, способным самостоятельно перемещаться, но других средств у него не было.

Весы показали восемьсот сорок три грамма.

Он снял лампу, подождал, поставил снова.

Восемьсот сорок три.

Магнит не притянулся. Компас рядом с корпусом отклонился всего на несколько градусов, как возле обычного куска металла. Вода, капнутая на поверхность, стекла вниз. Температура по старому уличному термометру была чуть выше комнатной.

Кирилл записывал каждое действие.

Потом сфотографировал лампу с четырёх сторон. На маленьком экране изображение выглядело нормально. Он перенёс карту памяти в компьютер и увеличил снимки.

На трёх фотографиях корпус был обычным.

На четвёртой вокруг носика виднелась тонкая тёмная полоса, похожая на дым. Кирилл точно помнил, что в комнате дыма не было.

Он удалил фотографию, затем восстановил. Полоса осталась.

В интернете по запросу «старинная медная лампа надписи» открывались магазины сувениров, форумы коллекционеров и картинки из мультфильмов. Кирилл попытался описать символы, которые видел на брезенте, но не знал алфавита. Нарисовал несколько знаков в графическом редакторе и загрузил на форум антикваров под новым аккаунтом.

Через десять минут ему ответили, что вещь похожа на современную восточную подделку.

Ещё через пять — что он нарисовал смесь арабских букв, персидской вязи и «каких-то каракулей».

Третий пользователь спросил, где найден предмет.

Кирилл не ответил.

На экране появилось личное сообщение от аккаунта без фотографии:

«Не очищайте металл. Не произносите надпись».

Он почувствовал, как кожа на руках покрылась мурашками.

Кирилл открыл профиль. Пользователь зарегистрировался сегодня. Сообщений на форуме не было.

Он написал:

«Какую надпись?»

Ответ не пришёл.

Через минуту аккаунт исчез.

Кирилл проверил адрес страницы, историю браузера, сделал снимок экрана. На скриншоте личного сообщения не было. Окно выглядело пустым, будто он разговаривал сам с собой.

Он отключил модем.

Лампа лежала в ящике неподвижно.

— Если ты слышишь, это ничего не разрешает, — сказал Кирилл.

Тишина.

— Я не заключаю договор. Не принимаю условия. Не прошу о действии.

На металле ничего не появилось.

Кирилл почувствовал себя глупо.

Он повернулся к компьютеру.

За спиной тихо звякнуло.

На весах лежала пустота. Лампа оказалась на столе, хотя он не видел движения.

Под ней осталась вмятина на тетради.

Кирилл подошёл ближе. На корпусе медленно проступали линии, собираясь в знакомые русские буквы.

На корпусе появилось одно слово:

«ЖЕЛАЮ?»

Кирилл закрыл ящик.

Этой ночью он не спал.

Он сидел за столом с тетрадью и составлял список.

Не желаний.

Вопросов.

ГЛАВА 3. ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

К утру в тетради было сорок семь вопросов.

Первые выглядели разумно:

«Кто находится внутри лампы?»

«Почему он не может выйти сам?»

«Что нужно сделать, чтобы он вышел?»

К трём часам ночи появились вопросы другого рода:

«Если я скажу “хочу спать”, считается ли это желанием?»

«Может ли существо внутри читать мысли?»

«Может ли оно заставить меня думать, что ответило правду?»

«Если оно всемогущее, почему пишет на лампе как скучающий одноклассник?»

Последний вопрос Кирилл дважды зачеркнул, но оставил читаемым.

Он поставил лампу в середине стола, направил на неё настольную лампу и окружил предметами, которые считал полезными: телефоном с включённой записью, кухонным таймером, градусником, магнитом, пачкой соли, огнетушителем из отцовского гаража и старым ножом.

Нож был бесполезен почти при любом варианте развития событий, но отсутствие ножа казалось ещё менее разумным.

В четыре утра на корпусе лампы появилась надпись:

«ТЫ ВСЕГДА ТАК ДОЛГО?»

Кирилл взял ручку.

— Ты читаешь мои записи?

«ВИЖУ»

— Мысли читаешь?

Пауза.

«НЕТ»

— Обязан отвечать правду?

«НЕТ»

Кирилл подчеркнул этот пункт.

— Тогда этот ответ тоже может быть ложью.

«МОЛОДЕЦ»

— Что произойдёт, если я тебя выпущу?

Налёт на лампе несколько секунд оставался неподвижным.

«ПОГОВОРИМ»

— Только поговорим?

«СНАЧАЛА»

— А потом?

«ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ»

— Ты можешь причинить мне вред?

«МОГУ»

Кирилл отодвинулся.

— Причинишь?

«НЕ ПЛАНИРУЮ»

— Что может изменить твой план?

Вместо ответа лампа остыла. Надписи исчезли.

Кирилл ждал десять минут, потом пятнадцать. В пять утра лёг на кровать, не раздеваясь, и решил закрыть глаза на одну минуту.

Проснулся от будильника в семь двадцать.

Лампа стояла на подоконнике.

Он оставлял её на столе.

Кирилл выключил будильник и осмотрел комнату. Дверь была закрыта. Окно тоже. На подоконнике в пыли тянулся чистый след от края стола, но между ними не было непрерывной полосы, будто предмет двигался по воздуху.

На корпусе появилась короткая надпись:

«ДОБРОЕ УТРО»

— Издеваешься?

«НЕМНОГО»

Он спрятал лампу в спортивную сумку, обернул полотенцем и отнёс в кладовку. Потом поставил перед дверью табурет, чтобы сразу заметить, если кто-то войдёт.

За завтраком мать посмотрела на него и сказала:

— Ты вообще спал?

— Да.

— Сколько?

— Достаточно.

— Для кого?

Отец читал газету, разложив её рядом с тарелкой. Яна пыталась незаметно высыпать сахар из своей каши обратно в сахарницу.

— В колледже сегодня что? — спросил Сергей.

— Теория.

— После занятий домой сразу.

— Зачем?

— В гараж поедет. Рулевую вчера не закончили.

Кирилл представил лампу в кладовке. Если она способна перемещаться, закрытая дверь ничего не значит. Оставлять предмет рядом с семьёй было страшнее, чем носить с собой.

— Не могу, — сказал он.

Отец опустил газету.

— Почему?

— В библиотеку надо.

— Что за срочность?

— Доклад.

— Вчера про доклад не знал?

— Вчера не задавали.

Ложь получилась слишком сложной для восьми утра.

Сергей смотрел несколько секунд, затем пожал плечами.

— В субботу тогда.

Кирилл доел быстрее обычного. Перед выходом проверил кладовку.

Табурет стоял на месте.

Лампа лежала в сумке.

Он взял её с собой.

В колледже Кирилл почти не слышал преподавателя. Сумка стояла между ног, ремень был намотан на запястье. Каждые несколько минут ему казалось, что внутри что-то шевелится.

Максим заметил состояние сразу.

— Ты выглядишь так, будто всю ночь хоронил свидетелей.

— Не спал.

— Тёр?

— Нет.

— Тогда зря не спал.

Кирилл дождался перемены и отвёл его на лестницу между вторым и третьим этажом. Там редко ходили студенты: верхний коридор ремонтировали, дверь была закрыта.

— Она пишет, — сказал Кирилл.

— Кто?

— Лампа.

Максим улыбнулся, но улыбка исчезла, когда Кирилл не продолжил шутку.

— В смысле пишет?

Кирилл рассказал о надписях и перемещениях.

Максим слушал без единой шутки почти минуту. Это было самым убедительным признаком, что он испугался.

— Покажи, — сказал он.

— Здесь нельзя.

— Почему?

— Люди.

— Тогда после занятий.

— Я ещё не решил, стоит ли вообще продолжать.

Максим посмотрел на спортивную сумку.

— А варианты какие?

— Вернуть в машину. Сдать Шаталову. Отнести в полицию. Попытаться уничтожить. Закопать. Вызвать то, что внутри, но не соглашаться ни на что.

— Продать.

— Нет.

— Почему сразу нет? Если это дорогая вещь...

— Потому что она пишет мне вопросы и сама перемещается. Нельзя передавать такое случайному человеку за деньги.

— А полиции можно?

Кирилл представил дежурного, которому два подростка приносят старую лампу и рассказывают про исчезающие сообщения.

— Нас отправят домой. Или к врачу. Или заберут предмет, а дальше мы ничего не узнаем.

— Может, это лучше.

— Для кого?

Максим нахмурился.

— Ты уже разговариваешь как человек из фильма, который обязательно открывает дверь, за которой написано «не открывать».

— Если оставить лампу, она всё равно перемещается ко мне.

— Тогда выкинь в реку.

— Если внутри живое существо?

— Если внутри живое существо, которое пишет «желаю», оно явно не золотая рыбка.

Они замолчали, пропуская группу студентов. Снизу доносился голос преподавателя физкультуры. За окном по двору шёл Шаталов.

— Ты кому-нибудь говорил? — спросил Кирилл.

— Нет.

— Даже брату?

— Нет.

— Почему?

Максим пожал плечами.

— Потому что ты рассказал мне первым.

Ответ был настолько простым, что Кирилл не сразу понял его значение.

Он выбрал Максима не за знания, осторожность или способность помочь. Выбрал потому, что одному было страшно. Теперь друг сохранял тайну не из-за доказательств, а из-за доверия.

— Если пойдём, нужны правила, — сказал Кирилл.

— Ты уже написал сорок семь вопросов.

— Нужны правила между нами.

Они договорились:

Если один из них начинает требовать от другого немедленного решения, второй останавливает разговор. Никто не касается предмета без предупреждения. Максим не пытается получить желание самостоятельно. Кирилл не скрывает ответы существа, если они касаются безопасности наблюдателя. При любой угрозе семье они прекращают эксперимент и обращаются к взрослым, даже если после этого потеряют контроль над находкой.

— А если оно предложит мне отдельные желания? — спросил Максим.

— Отказываешься.

— Легко тебе говорить.

— Именно поэтому договариваемся заранее.

— А если можно без ловушки?

Кирилл посмотрел на него.

— Максим.

— Я просто проверяю правило.

— Ты уже ищешь исключение.

— Потому что правило твоё.

Это была первая трещина, пока почти незаметная. Кирилл хотел безопасности, но безопасность означала, что он определяет допустимое для обоих. Максим хотел участвовать как равный, хотя лампа выбрала не его.

— Хорошо, — сказал Кирилл. — Если существо обратится к тебе, ничего не отвечаешь, пока мы вместе не обсудим. Не автоматический отказ. Пауза.

— Уже честнее.

— Но никаких просьб.

— А шаурму можно?

— После.

— Записал как обязательство.

Максим улыбнулся, но Кирилл видел, что напряжение не исчезло.

У них появился план.

План не делал происходящее безопасным. Он лишь позволял двум шестнадцатилетним подросткам двигаться в сторону опасности с ощущением, что они подготовились.

— Покажи.

— Здесь не буду.

— Почему?

— Потому что неизвестно, что произойдёт.

— Ты всё-таки потёр?

— Я её даже не открывал.

— А она открывается?

Кирилл раздражённо посмотрел на него.

— Откуда я знаю?

— Ладно. После занятий ко мне. Мать до восьми на работе.

— Нет.

— Почему опять нет?

— Потому что если что-то случится, я не хочу, чтобы это произошло у тебя дома.

— Очень трогательно.

— Нужное место без людей, камер и газа.

Максим задумался.

— Старый карьер.

— Туда два часа идти.

— Зато если оно взорвётся, ущерб минимальный.

— А мы?

— Мы тоже минимальный ущерб. По документам ещё даже специалисты не получились.

Они договорились встретиться в пять возле заброшенной котельной за железной дорогой.

Место было открытым, но с дороги его закрывали бетонные плиты и кусты. Раньше подростки жгли там костры, пока одного не поймала охрана.

Кирилл весь день думал, стоит ли брать Максима. В идеале следовало обратиться к взрослым, полиции, учёным, военным — к кому угодно, кто имел оборудование и ответственность.

Но представить разговор не получалось.

«Здравствуйте, я украл из колледжной машины лампу, которая меняет вес и пишет сообщения. Нет, наркотики не употребляю».

Предмет либо заберут, либо над ним посмеются. В первом случае Кирилл потеряет единственный доступ к невозможному. Во втором — получит репутацию идиота.

Он ненавидел оба варианта.

После занятий они с Максимом купили две бутылки воды, дешёвые рабочие перчатки и пачку мелков. Максим настоял на шоколадном батончике.

— Зачем?

— Если застрянем в другом измерении, будет еда.

— На три минуты?

— Я рассчитываю выжить дольше тебя.

К старой котельной они пришли не сразу.

Сначала Максим настоял, чтобы проверить, не следит ли за ними кто-нибудь из колледжа. Он дважды обошёл квартал, заглянул за гаражи и вернулся с видом человека, успешно обезвредившего международную разведку.

— Чисто.

— Ты просто прошёл вокруг мусорных баков.

— Именно там обычно и сидят агенты.

Кирилл выбрал котельную потому, что здание стояло пустым после аварии на тепло-трассе. Окна первого этажа заложили кирпичом, дверь заварили, но за задней стеной оставалась бетонная площадка, скрытая от дороги кустами. Рядом проходила линия электропередачи. Если лампа создаст вспышку или помехи, можно будет объяснить хотя бы часть увиденного.

В спортивной сумке лежали:

— лампа;

— тетрадь с вопросами;

— два фонарика;

— компас;

— механические часы отца, взятые без разрешения;

— магнит;

— фотоаппарат Максима;

— моток верёвки;

— автомобильная аптечка;

— два зеркала;

— пачка соли, которую Максим добавил по собственной инициативе.

— Соль зачем? — спросил Кирилл.

— От нечисти.

— Джинны не из славянского фольклора.

— Соль интернациональная.

Кирилл заставил Максима повторить правила.

— Не говорить «хочу», «желаю», «пусть» и вообще ничего, что может прозвучать как просьба. Не касаться лампы без команды. Не соглашаться на предложения. Если я начинаю вести себя странно — задаёшь контрольный вопрос.

— Какой?

— Как звали нашу первую классную руководительницу?

— Я с тобой в школе не учился.

Кирилл закрыл глаза.

— Точно.

— Хорошее начало операции.

Они выбрали другой вопрос: что Максим уронил в первый день практики. Ответ — поддон. Если Кирилл скажет что-то иное или не сможет ответить, Максим должен забрать лампу длинной палкой, положить в сумку и уйти к людям.

— А если из неё вылезет чудовище?

— Не провоцируй.

— А если оно само?

— Тогда бежим.

— Отличный план. Я думал, ты умнее.

— Пока нет.

Эта фраза прозвучала странно даже для самого Кирилла.

Он установил фотоаппарат на бетонный блок. Максим включил запись на телефоне и положил его в стороне. Компас показывал север. Часы шли. Зеркала отражали пустую площадку и серое небо.

— Если ничего не произойдёт, — сказал Максим, — ты признаешь, что таскал меня сюда из-за старого чайника.

— Признаю.

— И купишь шаурму.

— На какие деньги?

— Это уже первое желание.

— Не говори так.

Максим перестал улыбаться.

Кирилл достал лампу через полотенце. Корпус казался обычным: тусклая медь, тёмные участки окисления, мелкие царапины. Надписи не было.

Он поставил её на крышку и подождал.

Ничего.

Ветер шевелил сухую траву. За стеной котельной капала вода. Где-то далеко сигнализировал поезд.

— Может, потереть? — спросил Максим.

— Именно этого от нас и ждут все сказки.

— Иногда инструкция простая, потому что работает.

Кирилл надел строительную перчатку и осторожно провёл пальцами по корпусу.

Металл был холодным.

Он повторил движение.

Компас дернулся. Секундная стрелка часов остановилась на мгновение, потом пошла дальше. На экране фотоаппарата появилась белая полоса.

Максим отступил.

— Видел?
— Да.
— Может, линия рядом фонит.
— Механические часы.
— Тогда линия очень старается.
На лампе проступили буквы.

«ОДИН»

Кирилл не касался её.
Следующее слово появилось ниже:

«ВЛАДЕЛЕЦ»

Максим прочитал вслух и тут же зажал рот ладонью.

— Ничего не просил, — сказал он сквозь пальцы.

Кирилл перевернул лампу зеркалом, не касаясь. На нижней стороне проявилась третья строка:

«ОДИН НАБЛЮДАТЕЛЬ»

— Оно знало, что нас двое, — прошептал Максим.

— Оно знало наши имена ещё дома.

— Это должно успокаивать?

Кирилл сверился с тетрадью. До прямого вызова оставалось проверить добровольность контакта. Он заранее подготовил формулировку, не содержащую просьбы:

— Я допускаю проявление существа, связанного с этим предметом, исключительно для разговора, без возникновения договора, обязательства или передачи согласия.

Надпись исчезла.

Лампа качнулась, хотя ветра в этот момент не было.

Из носика вышла тонкая нить дыма.

Максим присел рядом.

— Выглядит как обычная.

— Потрогай.

— В прошлый раз трогал.

— Сейчас.

Максим провёл ладонью по корпусу.

— Тёплая.

— В сумке было холодно.

— Может, от тебя нагрелась.

На металле появилась надпись:

«ПРИВЕТ, МАКСИМ»

Максим отдернул руку и сел на землю.

Несколько секунд он молчал.

— Ты сказал ей моё имя?

— Нет.

— По телефону мог.

— Ты думаешь, внутри сидит человек и слушает?

— Я пока надеюсь на человека.

Надпись исчезла.

Появилась другая:

«НЕ НАДЕЙСЯ»

Максим встал.

— Знаешь, может, взрослые не такая плохая идея.

— Пять минут назад ты хотел тереть.

— Пять минут назад она не знала моё имя.

Кирилл достал тетрадь.

— Сначала вопросы.

Он положил лампу на крышку и сел напротив. Максим остался стоять, держа бутылку воды как оружие.

— Ты находишься внутри лампы? — спросил Кирилл.

«НЕ ТАК, КАК ТЫ ДУМАЕШЬ»

— Ты привязан к ней?

«ДА»

— Чтобы ты появился, я должен потерять корпус?

«ДА»

— Сколько раз?

«ДОСТАТОЧНО ОДНОГО»

— Любой человек может это сделать?

«ВЛАДЕЛЕЦ»

— Кто считается владельцем?

Надпись появлялась дольше обычного:

«ТОТ, КТО НАШЁЛ И ПРИНЯЛ»

— Что значит принял?

«НЕ ОТДАЛ»

Кирилл вспомнил надпись на внутренней стороне брезента: не отдавать тому, кто просит.

— Предыдущий владелец жив?

Металл оставался чистым.

— Ты не можешь ответить?

«МОГУ»

— Тогда ответь.

«НЕТ»

— Нет — не можешь или нет — не жив?

«ВТОРОЕ»

Максим тихо сказал:

— Уже нравится.

Кирилл продолжил:

— Ты его убил?

«НЕТ»

— Его смерть связана с тобой?

«ДА»

— Прямо или косвенно?

«КОСВЕННО»

— Он загадал желание, которое привело к смерти?

«ДА»

Максим сделал шаг назад.

— Может, всё-таки не надо.

Кирилл тоже почувствовал желание убрать лампу, вернуть в гараж и больше не касаться. Но рядом с ним уже находилось невозможное. Не легенда, не рассказ, не фокус. Нечто, что знало имена и нарушало физические правила.

Если он уйдёт, предмет не станет менее реальным.

— Что произойдёт после появления? — спросил Кирилл.

«Я ПРЕДЛОЖУ ДОГОВОР»

— Какой?

«ТРИ ЖЕЛАНИЯ»

Максим выругался шёпотом.

Кирилл ожидал именно этого и всё равно ощутил, как внутри что-то провалилось.

— Классические?

«УТОЧНИ»

— Три изменения реальности по воле владельца лампы.

«ДОСТАТОЧНО БЛИЗКО»

— Есть ограничения?

«ЕСТЬ»

— Какие?

«ОБСУДИМ ПОСЛЕ»

— Почему не сейчас?

«ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЕЩЁ НЕ ЗАКЛЮЧИЛ ДОГОВОР»

Кирилл записал ответ.

— Само твоё появление заключает договор?

«ДА»

— Можно отказаться после появления?

«МОЖНО НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЖЕЛАНИЯ»

— Но договор уже будет действовать?

«ДА»

— Можешь ли ты выйти без заключения договора?

«НЕТ»

— Если я уничтожу лампу?

Максим быстро посмотрел на него.

На металле появилось:

«НЕ УНИЧТОЖИШЬ»

— Это угроза или свойство предмета?

«СВОЙСТВО»

— Если я закопаю её и уйду?

«Я БУДУ ЖДАТЬ»

— Можешь перемещаться вместе с лампой?

«иногда»

Первое слово появилось с маленькой буквы, словно рука на мгновение дрогнула.

Кирилл заметил.

— От чего зависит?

«ОТ БЛИЗОСТИ ВЛАДЕЛЬЦА И ЕГО РЕШЕНИЯ»

— Я не решал переносить тебя на стол.

«ТЫ НЕ ХОТЕЛ ОСТАВЛЯТЬ МЕНЯ РЯДОМ С СЕМЬЁЙ»

Кирилл почувствовал холод.

— Ты сказал, что не читаешь мысли.

«НЕ ЧИТАЮ»

— Тогда откуда знаешь?

«ТЫ ПРЕДСКАЗУЕМ»

Максим нервно засмеялся.

— Вот это уже обидно.

— Молчал бы, — сказал Кирилл.

На лампе появилось:

«ОН ТОЖЕ»

Максим показал ей неприличный жест.

Надпись сменилась:

«ОЧЕНЬ»

На несколько секунд напряжение ослабло. Кирилл поймал себя на том, что разговаривает с предметом почти как с человеком. Это могло быть частью воздействия. Юмор снижал осторожность.

— Ты влияешь на наши эмоции? — спросил он.

«НЕТ»

— Можешь?

«ПОСЛЕ ДОГОВОРА — В РАМКАХ ЖЕЛАНИЯ»

— До договора не можешь причинить вред?

«МОГУ ЗАЩИЩАТЬ ЛАМПУ И СЕБЯ»

— Что считается угрозой?

«НАМЕРЕНИЕ УНИЧТОЖИТЬ, ЗАКЛЮЧИТЬ ИЛИ ПЕРЕДАТЬ ПРОТИВ ПРАВИЛ»

— Ты можешь убить меня, если я попытаюсь разбить лампу?

«МОГУ ОСТАНОВИТЬ»

— Каким способом?

«ЛЮБЫМ НЕОБХОДИМЫМ»

Максим присел рядом с Кириллом.

— Давай не будем разбивать.

— Не собирался.

— Я на всякий случай поддерживаю мирные переговоры.

Кирилл листал тетрадь. Большинство подготовленных вопросов относилось уже к желаниям. Получить ответы можно было только после заключения договора.

— Что будет, если другой человек потрёт лампу сейчас?

«НИЧЕГО»

— Максим не может заключить договор?

«ПОКА ВЛАДЕЛЕЦ ТЫ»

— Как перестать быть владельцем?

«ДОБРОВОЛЬНО ПЕРЕДАТЬ ЛАМПУ ДО ВЫЗОВА»

Максим посмотрел на Кирилла.

— Я не претендую.

— Пять минут назад хотел желание.

— Я быстро взрослею.

Кирилл провёл пальцем возле узора, не касаясь металла.

Три желания.

Само словосочетание было слишком знакомым, чтобы восприниматься серьёзно. Детские сказки, мультфильмы, анекдоты, бесконечные истории о людях, которые просили богатство и получали его вместе с войной, наследством или смертью родственника.

Он знал главный принцип: джинн исполняет слова, а не намерение.

И всё же реальный предмет лежал перед ним.

Кирилл подумал о родителях. О деньгах на столе. О старом компьютере. О Кире. О машине. О том, как легко можно было исправить всё, что раздражало его вчера.

Потом вспомнил ответ:

Предыдущий владелец умер из-за собственного желания.

— Почему ты предупредил о его смерти? — спросил он.

«ТЫ СПРОСИЛ»

— Тебе выгодно, чтобы я ошибся?

Пауза длилась почти минуту.

«ИНОГДА ЭТО РАЗВЛЕКАЕТ»

— А сейчас?

«Я ЕЩЁ НЕ РЕШИЛ»

Максим сказал:

— Очень располагающий к доверию собеседник.

Кирилл закрыл тетрадь.

— Если я вызову тебя, ты останешься здесь физически?

«ДА»

— Другие люди смогут видеть и слышать?

«ЕСЛИ Я ПОЗВОЛЮ»

— Максиму позволишь?

«ЕСЛИ ВЛАДЕЛЕЦ ПОЖЕЛАЕТ ЕГО ПРИСУТСТВИЯ ДО ПЕРВОГО ЖЕЛАНИЯ»

Кирилл напрягся.

— Слово «пожелает» сейчас считается желанием?

«ДО ПОЯВЛЕНИЯ НЕТ»

— После появления любое употребление слова может считаться желанием?

«ЗАВИСИТ ОТ НАМЕРЕНИЯ»

— Ты определяешь намерение?

«ДОГОВОР»

Это было важно. Сам джинн не должен был единолично решать, что человек имел в виду. Но договор мог содержать собственные правила, которые Кирилл пока не знал.

— Я вызову тебя, — сказал он. — Максим присутствует как наблюдатель, не становится участником договора и не получает права формулировать желания. Любые его слова не должны влиять на договор, если я отдельно и осознанно не подтверждаю обратное. До объяснения правил ни одна моя фраза не считается желанием, кроме прямого и намеренного подтверждения того, что я принимаю договор на оговорённых условиях.

На лампе долго ничего не появлялось.

Потом возникло:

«ТЫ ЕЩЁ НЕ МОЖЕШЬ УСТАНАВЛИВАТЬ УСЛОВИЯ»

— Тогда я не буду вызывать.

Надпись исчезла.

Максим прошептал:

— Она злится?

— Не знаю.

Металл начал нагреваться. Воздух над лампой задрожал.

Кирилл отступил, но не коснулся корпуса.

На поверхности медленно проступили слова:

«Я ПРИМУ ПРИСУТСТВИЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ И НЕ БУДУ СЧИТАТЬ ЖЕЛАНИЕМ НИ ОДНУ ФРАЗУ ДО ОФИЦИАЛЬНОГО НАЧАЛА ДОГОВОРА»

— А после начала?

«ОБЪЯСНЮ»

Кирилл посмотрел на Максима.

Тот был бледен, но не уходил.

— Ты уверен? — спросил Максим.

— Нет.

— Хорошо. Я тоже.

Кирилл надел рабочую перчатку.

— Подожди, — сказал Максим. — Может, камеру включить?

— Уже.

Телефон лежал на бетонной плите и записывал происходящее.

— Если она выключится?

— Значит, это тоже информация.

Кирилл положил ладонь на корпус.

Лампа была горячей, но не обжигала.

Он медленно провёл рукой от ручки к носику.

Ничего.

— Всё? — спросил Максим.

— Наверное, надо сильнее.

Кирилл повторил движение.

Металл под пальцами завибрировал.

Из носика вышла тонкая струя серого дыма.

Максим отскочил и споткнулся о бутылку.

Дым не поднимался вверх. Он стекал по воздуху, как жидкость, собирался над землёй и расширялся. Вокруг не пахло гарью. Наоборот, появился запах дождя, горячего песка и чего-то сладкого, незнакомого.

Кирилл отступил к бетонной стене.

Серая масса стала плотнее. Внутри вспыхнул жёлтый свет. Он обозначил плечи, руки, человеческое лицо.

Фигура была выше двух метров, но не казалась тяжёлой. Нижняя часть тела растворялась в дыме, который тянулся к лампе. На человеке была тёмная одежда без понятного кроя: не восточный халат из мультфильма и не современный костюм. Ткань двигалась, хотя ветра не было.

Лицо выглядело молодым и древним одновременно. Тёмные глаза, прямой нос, короткая борода. Кожа меняла оттенок при каждом движении света.

Существо оглядело котельную, бетонные плиты, ржавые трубы и мусор.

Потом посмотрело на Кирилла.

— За последние восемьсот лет, — произнёс он по-русски, — меня вызывали во дворцах, на кораблях, в храме, в бане и однажды в животе кита.

Он посмотрел под ноги.

— Но заброшенная котельная — это новая степень недоверия.

Максим прижался к стене.

— Он настоящий.

Существо повернуло голову.

— А ты, должно быть, наблюдатель. Максим Пахомов. Семнадцать лет, три неудовлетворительные оценки, одна украденная отвёртка в правом кармане.

Максим машинально схватился за карман.

— Я хотел вернуть.

— Разумеется.

Кирилл заставил себя не смотреть на друга.

— Ты Захир?

Существо улыбнулось.

— Это одно из имён, которыми людям удобно меня называть.

— Ты джинн?

— Это одно из слов, которыми людям удобно называть таких, как я.

— Ты обещал не считать наши фразы желаниями до официального начала договора.

— И пока не считаю.

— Покажи, что ты не иллюзия.

Захир слегка поднял брови.

— Ты хочешь доказательство?

Кирилл замолчал.

Джинн улыбнулся шире.

— Хорошо. Это ещё не желание. Но привыкай слышать собственные слова.

Он щёлкнул пальцами.

Мир не вспыхнул и не взорвался.

Просто звук исчез.

Кирилл видел, как Максим что-то говорит, видел поезд вдали, видел, как ветер шевелит траву. Но не слышал ничего, даже собственного дыхания.

Захир снова щёлкнул пальцами.

Звуки вернулись разом: грохот колёс, шорох бурьяна, ругань Максима.

— Достаточно? — спросил джинн.

Кирилл поднял телефон.

Запись продолжалась, но таймер застыл на одной секунде, а потом перескочил вперёд.

— Ты изменил наше восприятие или физически убрал звук?

— Хороший вопрос.

— Ответь.

— Пока я не обязан отвечать.

Кирилл почувствовал злость. Она помогла справиться со страхом.

— Тогда я не начинаю договор.

Захир склонил голову.

— Ты вправе уйти.

— И ты вернёшься в лампу?

— Когда решу, что разговор закончен.

— Можешь остаться против моей воли?

— Ненадолго.

— Что значит ненадолго?

— Для тебя или для меня?

Максим прошептал:

— Он специально так говорит.

— Разумеется, — ответил Захир, не поворачиваясь. — Я провёл достаточно времени с людьми, чтобы научиться развлекаться.

Кирилл смотрел на джинна и понимал, что подготовленные вопросы были недостаточны. Он представлял существо как механизм: точные правила, формулировка, результат. Перед ним находился разумный собеседник, который знал эти правила лучше и имел тысячи лет опыта.

— Я хочу узнать условия договора до его начала, — сказал Кирилл, подчёркивая каждое слово как обычное требование, а не желание.

— Можешь узнать основную часть.

— Всю.

— Ты не понимаешь достаточно, чтобы вместить всю.

— Объясни доступно.

— Это займёт время.

— У нас есть время.

Захир посмотрел на заходящее солнце, на Максима, затем снова на Кирилла.

— У тебя завтра занятия.

— Это моя проблема.

— Уже лучше.

Джинн опустился на воздух, словно там стояло невидимое кресло. Дым под ним свернулся кольцом.

— Тогда садись, Кирилл Савин. Тебе предложены три желания. До первого из них ты можешь задавать вопросы. Я буду отвечать в пределах правил и правды, которую способен выразить твоему разуму.

— Ты будешь обязан говорить правду?

— После принятия договора — да, если вопрос относится к договору, желаниям, моим возможностям или известным мне последствиям. Но я не обязан предугадывать всё, о чём ты не спросил.

— И не можешь намеренно вводить в заблуждение?

— Не прямой ложью.

— А умолчанием?

Захир улыбнулся.

— Теперь мы понимаем друг друга.

Кирилл открыл тетрадь.

— Я не принимаю договор, пока отдельно не скажу об этом.

— Принято.

— Эта фраза не считается желанием.

— Пока нет.

— Максим остаётся наблюдателем и не участвует.

— Если ты подтвердишь это при начале договора.

Кирилл сел на бетонную плиту.

Максим опустился рядом и тихо спросил:

— Долго будем?

Кирилл открыл первую страницу с вопросами.

— Сколько понадобится.

Захир посмотрел на толстую исписанную тетрадь.

В его лице впервые появилось не веселье.

Интерес.

ГЛАВА 4. ЧТО СЧИТАЕТСЯ ЖЕЛАНИЕМ

Первым делом Захир попросил Максима вернуть отвёртку.

— Она колледжная, — сказал джинн. — Владелец договора должен присутствовать при обсуждении добровольно, наблюдатель тоже. Человек, который думает о краденом инструменте, отвлекает меня.

Максим вынул отвёртку из кармана.

— Вы мысли читаете?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Она торчит у тебя из кармана.

Максим посмотрел вниз. Красная рукоятка действительно была видна.

— Логично.

— Для начала достаточно.

Кирилл положил тетрадь на колено.

— Прежде чем я соглашусь, объясни, что именно считается желанием.

Захир поднял руку. Между пальцами возникла тонкая светящаяся нить. Она растянулась в воздухе и сложилась в несколько русских слов:

«Осознанное требование владельца изменить состояние реальности».

— Это определение договора, — сказал джинн. — Не сказочная формула и не случайное слово.

— Если после начала я скажу «хочу воды», но не намерен тратить желание?

— Не будет исполнено.

— Если очень захочу, но вслух не скажу?

— Может быть исполнено, если ты осознанно направишь это требование мне и подтвердишь его намерением.

— Как подтверждается намерение?

— Ты почувствуешь границу. Договор задаёт внутренний вопрос, подобный решению открыть дверь. Пока не ответишь, желание не принято.

— Значит, случайно потратить желание невозможно?

— Практически невозможно.

Кирилл сразу поднял глаза.

— Что значит «практически»?

— Человек способен убедить себя, что действует осознанно, находясь в панике, ярости, опьянении или под чужим влиянием. Договор различает случайность и намерение, но не обязан исправлять твою глупость.

— Можно установить, что желание принимается только после письменной формулировки и повторного подтверждения?

— Можно включить процедуру в конкретное желание, если оно меняет последующие правила. Сам договор ты не редактируешь.

— Но первое желание может изменить условия второго и третьего?

— Если формулировка допустима.

Кирилл сделал пометку.

— Может ли желание быть длинным?

— Да.

— Насколько?

— Настолько, насколько ты способен сохранять целостное намерение.

— Можно читать с бумаги?

— Можно.

— Если в тексте противоречие?

— Я исполню непротиворечивую часть, а противоречивую разрешу по иерархии смыслов: прямое уточнение выше общего, позднее уточнение выше раннего, заявленная цель выше случайной оговорки, если это не разрушает буквальное содержание.

— Ты сам определяешь иерархию?

— Договор. Я являюсь исполнителем и толкователем в пределах договора.

— Ты заинтересован трактовать против меня?

Захир задумался, хотя Кирилл не верил, что вопрос требовал размышлений.

— Я заинтересован не скучать. Иногда человеческая ошибка занимательна. Но после начала договора я не могу намеренно выбрать заведомо разрушительное толкование, если существует однозначное безопасное, соответствующее словам и цели.

— Тогда все истории про злых джиннов преувеличены?

— Все истории про людей преуменьшены.

Максим прыснул.

Кирилл не улыбнулся.

— Пример.

— Человек просит, чтобы все его уважали. Что это значит? Бояться? Признавать достоинства? Считать авторитетом? Уважать свободу? Он сам не знает. Но хочет, чтобы жена перестала спорить, начальник повысил зарплату, враги склонились, а незнакомцы уступали дорогу. Я могу исполнить это десятками способов. Большинство разрушит его отношения без всякой злобы с моей стороны.

— А если он уточнит каждую деталь?

— Тогда разрушит что-нибудь, чего не включил в детали.

— Значит, безопасного желания не существует?

— Существуют достаточно безопасные для конкретной цели. Абсолютно безопасным можно сделать только отсутствие изменения.

— Потому что любое изменение имеет последствия?

— Ты начинаешь понимать.

Кирилл записал: «Невозможно исключить все последствия. Можно исключить классы вреда и дать механизмы контроля».

После общих вопросов Кирилл потребовал примеры.

— Богатство.

Захир перечислил наследство, клад, выигрыш и удачный бизнес — а затем гибель родственника, обесценившиеся деньги, чужую собственность и состояние, доступное лишь ценой преступления.

— Если уточнить сумму, законность, происхождение и отсутствие вреда?

— Станет точнее. Но язык не перечислит последствий, которых ты ещё не умеешь представить.

С бессмертием повторилось то же: вечная старость, неуязвимое тело с разрушающейся личностью, невозможность умереть после гибели мира. Условия добровольного прекращения, сохранения психики и адаптации убирали известные ловушки, но не превращали желание в безопасное.

Разговор о любви оживил Максима. Захир различил прямое изменение чувств и создание причин встречи — внешность, случай, уверенность, предотвращённую болезнь.

— Где начинается управление? — спросил он.

Кирилл ответить не смог. Свободное чувство тоже имело причины; власть появлялась там, где один человек тайно выбирал их за другого.

Возвращение умершего упиралось в другую границу. Захир мог восстановить тело, память и поведение, но не доказать непрерывность субъективного сознания.

— Даже ты не знаешь?

— Я знаю способы исполнения. Внешней точки, из которой измеряется то же самое «я», у меня нет.

Последним Кирилл проверил абсолютный интеллект. Захир назвал одиночество, скуку, отчуждение, сенсорную и физиологическую перегрузку, а главное — способность оправдывать плохое решение убедительнее прежнего.

Физические риски можно было ограничить. Нельзя было заранее решить, какие изменения личности окажутся развитием, а какие — утратой.

Кирилл записал: идеальное желание невозможно не потому, что исполнитель обязательно найдёт лазейку. Для него потребовалось бы идеальное знание того, кем человек хочет стать.

Этого знания у него не было.

Солнце опускалось за железнодорожной насыпью. Тень котельной растянулась до бетонных плит.

— Каковы ограничения? — спросил Кирилл.

Захир не мог исполнить логически невозможное требование, уничтожить саму систему желаний или сделать реальность полностью противоречивой. Кирилл вернулся было к бессмертию и абсолютному знанию, но быстро увидел прежнюю границу: сила могла расширить разум, восстановить тело и продлить время, однако не давала готового определения личности, ради которой всё делалось.

— Ты оставляешь неопределённость.

— Она существовала до меня.

Кирилл записал главное: исполнение не должно скрыто переписывать его цели, память и лояльность. Новые знания могли естественно менять взгляды; сам механизм — нет.

— А после трёх желаний?

— Связь прекращается. Лампа перестаёт принадлежать тебе.

— Тебя можно освободить?

Захир впервые перестал улыбаться.

— Можно изменить форму связи, дать мне человеческое тело или свободу на срок. Полностью прекратить мою природу труднее. Я не человек, посаженный в сосуд, а функция, проявленная как личность.

— Ты хочешь свободы?

— Отвечу позже.

На прямой вопрос о дополнительных желаниях Захир объяснил: бесконечный запас договор не даст, но владелец может попросить самостоятельную способность менять реальность.

Кирилл и Максим одновременно посмотрели друг на друга.

— Прежние владельцы пробовали?

— Да. Один стал механизмом, исполнявшим каждую мысль, и просуществовал меньше секунды. Другой изменял вероятность, пока его мир не опустел. Третий создал внутреннего защитника, который начал исправлять хозяина. Четвёртый построил разумную систему и прожил сто три года.

— Значит, получилось.

— У одного из четырёх. И ты сразу выбрал его.

Так же опасно было желание стать умнее. Просьба о превосходстве могла уменьшить разум остальных; безошибочное внутреннее знание лишало человека ощущения собственного выбора; безграничное внимание делало пылинку столь же важной, как судьба города.

Успешные случаи существовали, но требовали сохранить непрерывность личности, право сомневаться, управляемую память, эмоции и возможность добровольно уменьшать нагрузку.

— И чувство юмора, — добавил Кирилл.

Максим фыркнул.

— Какое именно?

— Любое, кроме твоего.

Захир улыбнулся.

Темнело. Максим включил фонарь. Кирилл посмотрел на часы — почти десять вечера.

— Нам домой надо, — сказал Максим. — Моя мать уже думает, что я лежу в канаве.

— Она ошибается только в географии, — заметил Захир.

— Можно продолжить завтра? — спросил Кирилл.

— После принятия договора я буду доступен до исполнения трёх желаний в рамках связи с лампой. До принятия могу вернуться в неё и ждать.

— Я могу принять договор сейчас, но установить, что никакое желание не принимается без специальной фразы и письменного текста?

— Да. Основные условия договора остаются прежними, но процедура подтверждения может быть усилена.

— Что изменится сразу после принятия?

— Я буду обязан отвечать правдиво на относящиеся вопросы. Ты станешь официальным владельцем трёх желаний. Передача лампы уже не передаст договор. И срок ожидания прекратит быть неопределённым.

— Есть срок?

— После принятия три желания должны быть использованы до твоей окончательной смерти или необратимой утраты способности формулировать намерение. Я могу находиться в лампе между разговорами.

— Если я стану бессмертным и никогда не использую желания?

— Договор продолжится.

— Ты будешь заперт всё это время?

— В форме, связанной с лампой.

На лице Захира не было обвинения. Именно поэтому вопрос прозвучал тяжелее.

Отказ от желаний не освобождал джинна. Договор уже открыл возможность: без принятия Захир вернётся к ожиданию следующего владельца, после принятия останется связан с Кириллом до конца.

— Ты хочешь, чтобы я принял?

— Да.

Прямой ответ удивил.

— Почему?

— Потому что ожидание в лампе хуже риска твоих решений.

— А если я не использую желания десятки лет?

— Тогда ошибусь в оценке.

Кирилл посмотрел на Максима.

Тот пожал плечами.

— Не спрашивай меня. Я всё ещё на этапе «джинн существует».

Кирилл снова обратился к Захиру:

— Я принимаю договор только при следующих процедурных условиях. До исполнения каждого желания я должен сформулировать его письменно или произнести полностью, после чего ты обязан кратко пересказать непосредственный смысл и указать известные противоречия, двусмысленности и очевидные классы риска. Затем я должен осознанно подтвердить сло-

вами: «Это моё окончательное желание». Любые другие мысли, слова, эмоции и команды не считаются расходом желания. Никто, кроме меня, не может подтвердить желание. Подтверждение недействительно при внешнем принуждении, изменённом сознании, опьянении, сильной панике или неспособности понимать смысл. Максим Пахомов присутствует как наблюдатель, не получает прав по договору и не может влиять на исполнение своими словами. Ты обязан отвечать правдиво на вопросы о договоре, желаниях, своих известных возможностях и последствиях, не используя намеренно вводящие в заблуждение формулировки. Согласен ли договор принять эти процедурные условия?

Захир поднялся.

Дым вокруг него разошёлся кольцом. В воздухе появились три светящиеся точки, каждая размером с монету.

— Договор принимает процедуру, — сказал джинн. — Однако я обязан уточнить: указание рисков не гарантирует перечисление неизвестных или отдалённых последствий. Правдивость не обязывает меня отвечать на вопросы вне предмета договора. Состояние твоего сознания оценивается по способности понимать конкретное желание, а не по отсутствию любой эмоции. Наблюдатель не получает защиты от последствий твоих желаний, если ты отдельно её не создашь.

Кирилл кивнул.

— Принимаю эти уточнения.

— Произнеси согласие.

Кирилл почувствовал что-то странное.

Не голос и не давление. Внутри сознания появилась граница, о которой говорил Захир: возможность ответить «да» не словам, а самой структуре предложения. Как если бы перед ним открылась дверь, за которой не было видно комнаты.

Он мог отступить.

Вернуть лампу. Попытаться забыть. Оставить невозможное другому человеку.

Вместо этого Кирилл подумал о слове «если».

Если отец получит премию.

Если мать возьмёт смену.

Если он найдёт работу.

Если повезёт.

Перед ним впервые находилось не «если».

— Я, Кирилл Сергеевич Савин, добровольно принимаю договор трёх желаний на оговорённых условиях.

Граница исчезла.

Три светящиеся точки вспыхнули и вошли в его грудь без боли.

На мгновение Кирилл увидел не котельную, а бесконечную сеть линий. Каждая связывала причину с результатом, решение с последствием, предмет с памятью о нём. Сеть была слишком огромной, чтобы понять, и исчезла прежде, чем он успел испугаться.

Захир опустился на землю.

Теперь его ноги были человеческими, обутыми в тёмные сапоги. Дым сохранился только тонкой лентой вокруг лампы.

— Договор начался, — сказал он. — У тебя три желания.

Максим нервно улыбнулся.

— Поздравляю. Наверное.

Кирилл посмотрел на тетрадь.

Сорок семь вопросов больше не казались чрезмерностью.

Прежде чем перейти к желаниям, Кирилл проверил новые правила в обычной речи.

— Я хочу установить, что именно означает обязанность отвечать правду.

Максим вздрогнул, но договор не откликнулся: контекст содержал намерение задать вопрос, а не изменить реальность.

Кирилл закрепил различие между фактом, выводом, предположением, неизвестностью и запретом сообщать сведения. Захир обязан был обозначать степень уверенности, если она влияла на решение, но не перечислять всё, о чём владелец не спросил.

Проверка сразу показала предел. На вопрос о безопасном бессмертии можно было правдиво ответить и «да», и «нет» — в зависимости от определения. Истина без уточнения оставалась бесполезной.

Затем Кирилл спросил, существует ли более безопасная версия его первого желания.

— Да. Я бы сильнее ограничил интеллект и дал внешнему человеку право прекратить способность.

— Тогда она безопаснее от одних рисков и опаснее для моей свободы.

— Именно.

Последний вопрос касался ошибки. Захир признал, что любопытство тянет его к неизвестному исходу, память о прежних владельцах — от чужого разрушения, а уважение к свободе не позволяет превратить исполнение в опеку.

Он не был врагом Кирилла.

Но и защитником не был.

Эту работу владельцу предстояло выполнять самому.

Все вопросы казались лишь вступлением.

ГЛАВА 5. УМНЕЕ СЕБЯ

Домой Кирилл вернулся в половине двенадцатого.

Мать сидела на кухне в халате и не включала верхний свет. На столе горела маленькая лампа, рядом лежал телефон. Отец стоял у окна, скрестив руки.

Объяснение про библиотеку больше не действовало.

— Где был? — спросил Сергей.

— С Максимом.

— Где?

— Возле котельной.

Отец несколько секунд молчал.

— Ты доклад там писал?

— Нет.

— Значит, утром соврал.

— Да.

Мать посмотрела на него с усталостью, не с гневом.

— Телефон почему не берёшь?

Кирилл достал Nokia. Экран был чёрным. Батарея разрядилась, хотя утром заряд составлял почти половину.

— Сел.

— У Максима тоже сел? — спросил отец.

— Не знаю.

— Я его матери звонил. Она сказала, что он ушёл с тобой после колледжа.

— Мы разговаривали.

— До одиннадцати вечера у заброшенной котельной?

Кирилл мог придумать десяток историй: нашли собаку, сломался велосипед, встретили знакомого, потеряли ключи. Ни одна не выдержала бы вопросов. Правду сказать было невозможно.

В спортивной сумке лежала лампа. Захир вернулся внутрь, когда Кирилл попросил перенести разговор на следующий день. Джинн согласился без возражений, но перед исчезновением сказал:

— После начала договора ты можешь вызывать меня прикосновением и осознанным обращением. Тереть каждый раз необязательно. Традиция выполнена.

Кирилл ощущал лампу через ткань, хотя сумка стояла в коридоре.

— Мы нашли одну вещь, — сказал он.

Отец повернулся от окна.

— Какую?

— Старую. Хотели понять, что это.

— Где нашли?

— В гараже.

— В том, который колледжу передали?

Кирилл промолчал.

Сергей медленно выдохнул.

— Принеси.

— Я завтра верну.

— Сейчас принеси.

— Пап, там ничего ценного.

— Тогда тем более.

Мать сказала тихо:

— Кирилл, не усложняй.

Именно этого он и хотел: не усложнять. Но простого выхода не было. Если показать лампу, отец отнесёт её Шаталову. Если отказаться, подозрение только усилится.

Внутри сознания не появилось никакой подсказки. Договор не давал советов и не менял реальность сам.

Три желания существовали как возможность, но тратить одно на разговор с родителями было безумием.

— Я оставил её у Максима, — сказал Кирилл.

Это была первая ложь после заключения договора. Никакого наказания не последовало. Мир не отреагировал.

Отец сел напротив.

— Завтра после занятий принесёте Шаталову. Оба. И объясните, зачем взяли.

— Хорошо.

— Что за вещь?

— Лампа.

— Какая лампа?

— Старая металлическая.

Сергей посмотрел на мать. В его лице появилось не подозрение в мистике, а уверенность, что сын украл антиквариат и сейчас пытается понять, сколько он стоит.

— Продать хотели?

— Нет.

— Тогда зачем взяли?

— Она была спрятана. Мы подумали, что это странно.

— Всё спрятанное автоматически твоё?

— Я сказал, что верну.

— Ты вернёшь не потому, что тебя поймали. Ты утром сам пойдёшь и скажешь.

Кирилл почувствовал знакомое унижение. Отец разговаривал с ним как с ребёнком, который стащил мелочь из магазина. Формально именно это и произошло. Но отец не понимал, что в сумке находится существо, способное менять законы реальности.

Кирилл мог доказать. Вызвать Захира. Остановить время. Сделать так, чтобы отец поверил.

Эта мысль напугала сильнее возможного наказания.

Он уже рассматривал чудо как способ выиграть спор.

— Хорошо, — повторил Кирилл.

— Иди спать, — сказала мать.

В комнате он закрыл дверь, достал лампу и положил на стол.

— Ты слышал? — спросил он шёпотом.

Металл нагрелся.

Захир появился без дыма, уменьшив человеческую фигуру до обычного роста. Он стоял возле шкафа, прислонившись плечом к стене.

— Слышал.

— Они заставят вернуть лампу.

— Ты можешь этого не делать.

— Я знаю.

— Можешь изменить их память.

— Я знаю.

— Можешь создать точную копию предмета.

Кирилл посмотрел на него.

— Без использования желания?

— Нет. Пока у тебя нет собственной способности.

— Ты специально предлагаешь плохие варианты?

— Я перечисляю доступные. Решение твоё.

— Если я верну лампу, договор останется за мной?

— Да. Но связь со мной станет сложнее. Лампа является точкой контакта. Другой человек не получит твои желания, однако может попытаться вызвать меня и столкнуться с последствиями незавершённого договора.

— Ты можешь остаться со мной без неё?

— На ограниченное время. Не постоянно.

— Можно спрятать настоящую лампу и вернуть копию после первого желания.

— Можно.

— Но сначала нужно сформулировать первое.

— Верно.

Кирилл посмотрел на часы.

— У меня меньше восьми часов.

— Восемь часов — значительный срок.

— Для желания, которое должно изменить мой мозг?

— Для человека, который готовился всю ночь, — достаточно, чтобы сделать первую серьёзную ошибку.

— Ты можешь помочь.

— Могу отвечать.

— Но не формулировать за меня.

— Да.

Кирилл открыл новую тетрадь. Старую пришлось спрятать под матрасом: если родители прочитают перечень вопросов про бессмертие, разум и изменение реальности, они решат, что сыну нужен психиатр.

На первой странице он написал:

«ЦЕЛЬ: интеллект, достаточный для безопасной формулировки второго желания».

Потом зачеркнул.

— Почему зачеркнул? — спросил Захир.

— Потому что это делает первое желание инструментом для второго. Если я получу интеллект только для одной задачи, могу стать бесполезным во всём остальном.

— Хорошее наблюдение.

Новая формулировка:

«ЦЕЛЬ: максимально возможное развитие интеллектуальных способностей с сохранением личности и без вреда».

— Что такое максимально возможное? — спросил Захир.

— Предел, совместимый с условиями.

— Как система определит, что считать пределом? Скорость? Точность? Объём памяти? Творчество? Способность принимать решения? Социальное понимание?

Кирилл перечислил всё отдельно.

К третьему часу ночи формулировка занимала одиннадцать страниц.

Кирилл читал её шёпотом, отмечая каждое место, где местоимение могло относиться не к тому существительному, где слово «сохранить» не объясняло точный момент сравнения, а понятие «вред» зависело от оценки будущего человека.

Захир сидел на подоконнике и наблюдал за двором. Внизу двое мужчин толкали заглушающую машину. Яна возвращалась от подруги, размахивая пакетом с тетрадями. Мать ещё не пришла со смены.

— Если я сохраню исходную личность, — сказал Кирилл, — это может запретить нормальное взросление.

— Да.

— Если потребую возможность изменяться естественно, слово «естественно» ничего не определяет после магического вмешательства.

— Да.

— Если сохраню ценности, то зафиксирую ценности шестнадцатилетнего подростка.

— Возможно.

— Прекрати отвечать так, будто тебе нравится.

— Мне нравится.

Кирилл отложил тетрадь.

— Тогда как сформулировать сохранение себя?

— Это твоё желание.

— Я спрашиваю совет.

— Совет влияет на результат. Если я определяю, что является тобой, ты получишь моё представление о тебе.

В тёмном окне отражались обычное лицо, выцветшие обои и джинн на подоконнике. Происходящее всё ещё выглядело сценой, которую мозг должен был отвергнуть.

— Тогда не фиксировать состояние, — сказал он. — Сохранить непрерывность. Чтобы изменения возникали из моего опыта и решений, а не были скрыто навязаны исполнением.

— Точнее.

— И сохранить способность пересматривать ценности.

— Точнее.

— Без автоматического уничтожения эмпатии, привязанности, чувства юмора и интереса.

— Ты перечисляешь качества, которые боишься потерять.

— Да.

— А если одно из них естественно изменится?

Кирилл снова задумался.

Он хотел защитить человечность, но не мог превратить её в музейный экспонат. Человек, который никогда не меняется, тоже перестаёт быть живым.

В дверь тихо постучали.

— Кирилл? — позвала Яна. — Ты не спишь?

Захир исчез раньше, чем повернулась ручка.

Сестра вошла с учебником математики.

— Поможешь?

Кирилл хотел отказать. Формулировка была почти готова, а присутствие Яны разрушало концентрацию. Потом увидел задачу: дроби, которые она не понимала. Раньше он сам путался в них, если числа становились длиннее.

— Давай.

Они сели за стол. Кирилл объяснил общий знаменатель на кусках шоколада, нарисованных в тетради. Яна поняла со второго раза и тут же попыталась сделать следующую задачу сама.

— А почему ты раньше так не объяснял? — спросила она.

— Раньше не спрашивала.

— Спрашивала. Ты сказал, что сам не знаешь.

— Значит, теперь знаю.

— Ты в колледже умнее стал?

— Пока нет.

Яна посмотрела на исписанные страницы.

— Это что?

Кирилл накрыл формулировку учебником.

— Работа.

— Очень скучная.

— Надеюсь.

Когда сестра ушла, Захир появился у шкафа.

— Ты мог решить задачу за неё.

— Тогда она бы не научилась.

— Запомни этот ответ.

— Почему?

— После первого желания ты начнёшь видеть решения раньше других. После второго сможешь реализовывать их без чужого участия. Вопрос «помочь или сделать вместо» станет чаще казаться техническим.

Кирилл почувствовал раздражение.

— Ты снова читаешь мне мораль.

— Нет. Я описываю вероятный конфликт.

— Ты хочешь, чтобы я отказался?

— Я хочу увидеть, что ты выберешь, понимая хотя бы часть цены.

— А если выберу неправильно?

— Тогда будешь умнее понимать, почему выбрал неправильно.

Этой ночью Кирилл впервые представил не преимущества нового разума, а утро после него: скрытый страх отца, усталость матери, предсказуемую шутку Максима, идеально рассчитанный ответ Кире.

Если люди станут понятными системами, сможет ли он по-прежнему считать их решения самостоятельными?

Он добавил к желанию не готовую мораль, а способность признавать равное достоинство других и замечать момент, когда понимание превращается в управление.

— Это не гарантирует, что ты поступишь правильно, — сказал Захир.

— Иначе гарантия отнимет свободу уже у меня.

Остальные условия Кирилл свёл к принципам. Разум должен был поддерживать логику, обучение, языки, память, воображение, прогноз и обнаружение самообмана; тело — безопасно выдерживать нагрузку, сон и усталость; память — хранить опыт точно, но позволять убирать его в осознанный архив.

Эмоции сохранялись как живые возможности, а не зафиксированные состояния. Исполнение не могло создавать скрытые цели, лояльность, психическое расстройство или прямой захват сознания. Обычное убеждение оставалось возможным: Кирилл не хотел стать неизбежным.

К пяти утра черновик занимал девять страниц.

Максим несколько раз писал сообщения:

«жив?»

«вы там договорились?»

«если стал гением ответь нормально»

Кирилл не отвечал.

Он подошёл к окну. Небо светлело. Во дворе дворник двигал мусорный контейнер. Через два часа нужно было вставать и идти в колледж, а формулировка всё ещё имела дыры.

— Можно отложить на день, — сказал Захир.

— Лампу потребуют вернуть.

— Создай копию первым желанием.

— Я не хочу тратить первое на копию.

— Включи создание копии как дополнительный результат.

— Это смешивает цели.

— Верно.

— Можно ли временно скрыть лампу без желания?

— Я могу сделать её незаметной для людей до окончания формулировки первого желания, если это служит исполнению договора и не причиняет вреда.

Кирилл резко повернулся.

— Почему ты не сказал раньше?

— Ты не спросил.

— Это относится к твоим возможностям.

— И теперь я правдиво ответил.

Кирилл почувствовал вспышку злости.

— Сделай так, чтобы родители не нашли её, но не меняй их память, восприятие или решения. Просто перемести в безопасное место, доступное мне.

— Это просьба в рамках поддержания договора, не желание, — сказал Захир. — Допустимо.

Он коснулся лампы. Та исчезла со стола.

— Где она?

— Между состояниями проявления. Ты сможешь вызвать её прикосновением к этому знаку.

На внутренней стороне запястья Кирилла появилась едва заметная тёмная точка.

— Это навсегда?

— До возвращения лампы.

— Убери после.

— Разумеется.

От вопросов зависело почти всё. Захир не лгал, не нарушал договор и даже помогал, но каждый незаданный вопрос оставался закрытой дверью.

— Я посплю, — сказал Кирилл.

— Разумно.

— Разбуди в семь.

— Это просьба, не желание. Выполню.

— Без изменения времени, памяти и тела.

Захир усмехнулся.

— Просто разбужу.

Кирилл лёг. Ему казалось, что после такой ночи уснуть невозможно, но сознание выключилось почти сразу.

В семь он открыл глаза за секунду до того, как Захир произнёс его имя.

Джинн стоял возле окна и смотрел на двор.

— Ты не спал? — спросил Кирилл.

— Не в человеческом смысле.

— Что делал?

— Ждал.

Это слово прозвучало без жалобы, но Кирилл вспомнил тысячи лет в лампе.

Утром он сказал отцу, что лампа у Максима и они вернут её после занятий. Захир сделал предмет недоступным, поэтому ложь стала технически безопасной, но не менее ложью.

В колледже Кирилл встретил Максима у раздевалки.

— Ну? — спросил тот.

— Договор принял.

— Желание потратил?

— Нет.

— Всю ночь писал?

— Да.

— Покажи.

Кирилл передал черновик.

Максим листал страницы, всё сильнее хмурясь.

— Тут как договор на ипотеку.

— Хуже. Ипотеку хотя бы юристы до тебя читали.

— Ты уверен, что не перемудришь?

— Нет.

— А если просто попросить быть очень умным и здоровым?

— «Очень» — это сколько? «Умным» — в чём? «Здоровым» — можно сделать меня неспособным чувствовать боль и я умру от воспаления, не заметив. Можно убрать эмоции, чтобы они не мешали. Можно перестроить мозг так, что от меня ничего не останется.

Максим вернул тетрадь.

— Раньше я думал, что три желания — это мало. Теперь кажется, что одно уже слишком много.

На практике Шаталов проверил, вернули ли они находку.

— У Максима дома, — сказал Кирилл.

Мастер посмотрел на Пахомова.

— Почему у тебя?

— Потому что... — Максим бросил взгляд на Кирилла. — Потому что Савин дал посмотреть.

— Принесёте завтра. Если вещь представляет ценность, составим акт. Если мусор — заберёте официально. Понятно?

— Да.

— И больше ничего не вытаскивать без разрешения.

Шаталов ушёл.

Максим прошептал:

— Я теперь соучастник.

— Ты им был с первой минуты.

— Тогда хочу долю.

Кирилл почувствовал внутреннюю границу подтверждения. Слово «хочу» от Максима ничего не активировало, но договор напомнил о себе лёгким холодом в груди.

— Не говори так рядом с Захиром, — сказал он.

— Почему? Моё не считается.

— Всё равно не говори.

В течение дня Кирилл продолжал править формулировку. На математике преподаватель дважды сделал ему замечание. На перемене Кира написала короткое сообщение:

«Флешка нашлась, кстати. Подруга перепутала сумки».

Кирилл ответил:

«Хорошо, что нашлась».

Потом смотрел на её страницу и думал, что через несколько часов, возможно, сможет понимать людей так, как сейчас невозможно представить. Он сможет придумать идеальную фразу. Вычислить, что ей нравится. Предсказать реакцию.

И сможет ли после этого знать, что она ответила ему, а не системе, которая рассчитала правильные слова?

Вечером Кирилл вызвал Захира в старой кладовой колледжа. Максим стоял у двери.

Черновик занимал четыре страницы мелким почерком. В нём Кирилл просил не готовых ответов, а предельно развитый и управляемый человеческий интеллект: точную память, быстрое обучение, моделирование последствий, самокоррекцию и способность признавать неопределённость.

Тело должно было безопасно поддерживать новый разум. Эмоции, привязанность, эмпатия, юмор, страх и способность удивляться оставались настоящими. Договор запрещал внедрённые цели, автоматическое превосходство, скрытую замену личности и прямое внешнее управление.

— Перескажи смысл, — сказал Кирилл.

Захир повторил конструкцию и назвал пределы: совершенная память изменит отношение ко времени, понимание людей — отношения, а новые знания — прежние ценности. Ни одно из этих естественных последствий не считалось поломкой.

— Очевидные риски?

— Одиночество. Скука. Умение убедительнее оправдывать плохие решения. Возможность превратить чужую свободу в удобную иллюзию.

— Можно исключить?

— Только встроенной моралью или ограничением разума.

— Не хочу.

— Тогда нравственность останется твоей ответственностью.

Максим у двери сказал:

— Звучит не очень.

Кирилл видел альтернативу: деньги, здоровье, удачу. Но тогда второе желание всё равно формулировал бы шестнадцатилетний подросток, который вчера крутил гайку не в ту сторону.

Он добавил право не анализировать человека до конца и запретил превращать новые функции в отдельные голоса.

Захир перечитал текст.

— Я не вижу очевидного противоречия. Но ты изменишься, даже если всё сработает точно.

— Я знаю.

— Нет. Пока только понимаешь слова.

Кирилл посмотрел на тетрадь.

Он мог продолжать ещё неделю. Месяц. Год. Каждая новая поправка открывала другую неопределённость. Но бесконечная подготовка тоже была выбором — оставить свою жизнь прежней из страха перед ошибкой.

Возможно, самым человеческим в первом желании было то, что даже идеальный интеллект приходилось получить неидеальным решением.

— Это твоё окончательное желание? — спросил Захир.

Кирилл посмотрел на Максима.

Друг попытался улыбнуться.

— Если станешь гением, не забудь, кто помог украсть лампу.

— Постараюсь.

— «Постараюсь» мне не нравится.

— Я буду помнить.

Кирилл повернулся к Захиру.

Перед последними словами он попросил пять минут.

Захир отошёл к стене. Максим остался возле двери кладовой, делая вид, что следит за коридором. На самом деле он смотрел на Кирилла через отражение в стекле шкафа.

Кирилл перечитал формулировку ещё раз.

Абсолютная память уже не могла помочь — её ещё не существовало. Он зависел от обычного внимания, усталости, почерка и способности понять собственный текст. Одна пропущенная частица могла изменить всю жизнь.

В коридоре прозвенел звонок. Где-то открылись двери, слышались голоса. Максим поднял руку, предупреждая, что люди близко. Они подождали, пока шум переместится к лестнице.

— Можно отложить, — сказал Захир.

— Ты уже предлагал.

— Предлагаю снова.

— Почему?

— Сейчас ты принимаешь решение не только из расчёта. Ты устал скрывать лампу, лгать семье и бояться, что договор перейдёт к другому владельцу. Желание кажется способом прекратить неопределённость.

Кирилл почувствовал злость, потому что джинн был прав.

— А если отложу, стану менее уставшим, но более напуганным.

— Возможно.

— И буду бесконечно улучшать текст.

— Возможно.

— Существует ли точка, после которой дальнейшая редакция не повышает безопасность?

— Да.

— Я её достиг?

— Я не могу ответить вместо тебя.

Кирилл закрыл глаза.

Он вспомнил гайку, которую тянул не в ту сторону. Не как доказательство собственной глупости, а как факт: человек способен уверенно прикладывать силу, не проверив направление.

Первое желание должно было дать ему способность проверять.

Но уже после исполнения никто не гарантировал, что он станет прикладывать силу только туда, куда следует.

— Максим, — сказал он.

— Что?

— Если после желания я начну вести себя так, будто ты стал мне неинтересен...

— Ударить тебя?

— Сначала сказать.

— А потом?

— Потом по ситуации.

Максим кивнул.

— Хорошо. А если ты станешь говорить, что всё нормально, но слишком умно?

— Это не критерий.

— Для меня критерий.

Кирилл почти улыбнулся.

— Тогда напомни про поддон.

— Какой поддон?

Кирилл резко посмотрел на него.

Максим выдержал паузу и засмеялся.

— Видел бы ты лицо.

— Придурок.

— Вот. Пока реагируешь нормально.

Шутка вернула в помещение что-то обычное. Старую кладовую, пыль, двух студентов, которые должны были сейчас сидеть на занятии. На несколько секунд Кирилл почувствовал, насколько невероятным будет следующий шаг.

Он мог уйти.

Вернуть лампу. Признаться отцу. Согласиться на жизнь, где знания добываются годами, ошибки остаются ошибками, а возможности ограничены деньгами, временем и случайностью.

Эта жизнь не была плохой.

Просто она снова станет единственной.

Кирилл открыл глаза.

— Я готов.

— Это моё окончательное первое желание.

Мир остановился.

Не время. Кирилл слышал дыхание Максима, далёкий звонок, гул труб. Но между одним ударом сердца и следующим открылось пространство, в котором что-то изменяло его изнутри.

Боли не было.

Сначала исчез шум.

Не внешний. Внутренний: обрывки мыслей, повторяющиеся фразы, беспорядочные воспоминания. Они не пропали, а разошлись по местам.

Затем появилось больше.

Свет от лампы распался на оттенки. В голосе Максима Кирилл услышал страх, скрытый под шуткой. Увидел напряжение в левом плече Захира и понял, что джинн впервые не уверен в следующей реакции владельца.

Он вспомнил каждое слово формулировки — не приблизительно, а точно, вместе с движением ручки, запахом бумаги и временем каждой поправки.

Воспоминания не обрушились лавиной. Они ждали доступа.

Кирилл увидел связь между вопросами, которые задавал, и вопросами, которые не задал. Понял структуру договора глубже, чем минуту назад. Вычислил восемь способов, которыми второе желание могло уничтожить его личность, двенадцать — лишить свободы и несколько сотен — изменить мир без возможности возврата.

Вместе с этим он понял, что стоял в кладовой, не ел семь часов, солгал родителям, втянул Максима в опасность и сейчас испытывал восторг.

Чистый, человеческий, почти детский восторг.

Сердце ударило второй раз.

Время снова стало обычным.

Захир смотрел на него.

— Кирилл? — спросил Максим.

Кирилл вдохнул.

Воздух пах пылью, старой краской, потом Максима, металлом лампы и слабым озоном, оставшимся после исполнения.

— Да, — ответил он.

Одного слова хватило, чтобы Максим отступил.

— Ты как-то иначе сказал.

Кирилл слышал, что именно изменилось: пауза была короче на четверть секунды, голос спокойнее, ударение точнее. Максим не мог это измерить, но заметил.

— Всё нормально, — сказал Кирилл.

Затем осознал, что это неправда.

Нормально больше не будет.

ГЛАВА 6. ПОСЛЕ ЗАПЯТОЙ

Первое, что Кирилл сделал после превращения в гения, — попросил Максима назвать два больших числа.

Ответ появился вместе со способами проверки, без усилия и без чужого голоса. Раздражение на друга тоже осталось — лёгкое и настоящее.

Затем Кирилл посмотрел на Захира и увидел, что его лицо лишь устойчивый человеческий образ, а дым обозначает границу связи с лампой.

— Ты выбрал внешность, которая вызывает достаточно доверия и достаточно осторожности.

— Верно.

Понимание лишало Кирилла удобной возможности не замечать причины спора, но добрее не делало.

Максим спросил, знает ли он теперь всё.

— Нет. Если информации нет, я не достану её из пустоты.

Друг протянул отвёртку. По поверхности Кирилл определил вероятный сплав, но отказался выдавать догадку за анализ.

— Значит, не всё знаешь.

— Именно.

Максим произнёс «хорошо» с заметным облегчением.

В коридоре колледжа потёртость пола, звук вентиляции и обрывки разговоров сразу складывались в выводы. Информация не нападала: Кирилл мог направлять внимание и уменьшать интенсивность анализа.

На занятии он заметил пропущенную линию в схеме охлаждения и ответил на вопросы выше программы. На четвёртом намеренно замедлился.

После занятия Максим спросил:

— Со мной тоже так делаешь?

— Иногда.

— Тогда скажи сейчас не лучший ответ.

Кирилл перебрал десятки фраз и выбрал правду:

— Мне страшно.

Максим перестал защищаться шуткой.

— Мне тоже.

Они вышли из кладовой по одному. Захир вернулся в состояние связи, лампа оставалась скрытой. Кирилл шёл по коридору и впервые воспринимал колледж не как знакомый фон, а как систему.

По потёртости линолеума можно было восстановить основные маршруты студентов. По звуку вентиляции — определить, где забит фильтр. По остаткам мела на рукаве преподавателя — понять, какой рукой тот писал и сколько раз стирал доску. Из обрывка разговора за дверью Кирилл за несколько секунд вывел, что двое старшекурсников обсуждают продажу снятых с учебной машины деталей.

Информация не атаковала его. Она находилась рядом и становилась доступной, стоило направить внимание.

Он уменьшил интенсивность анализа.

Мир сразу стал проще.

На следующем занятии мир снова усложнился.

Шаталов объяснял систему охлаждения, рисуя мелом на доске контур, в котором стрелки показывали движение жидкости. Кирилл видел не схему, а десятки уровней сразу: теплопере-

дачу, давление, кавитацию возле крыльчатки, зависимость температуры кипения от состава смеси, слабое место нарисованного соединения.

Он также видел, что мастер пропустил один этап объяснения, потому что привык считать его очевидным.

— Почему после термостата стрелка сразу в радиатор? — спросил Кирилл.

Шаталов повернулся.

— Потому что большой круг открыт.

— Но тогда нужно показать байпас. Иначе кажется, что при закрытом термостате поток останавливается.

В группе стало тихо.

Мастер посмотрел на доску, затем дорисовал линию.

— Верно.

Круглов обернулся на Кирилла.

— Ты вчера учебник съел?

— Посмотрел тему.

— Какую? Весь двигатель?

Максим не засмеялся. Он сидел рядом напряжённый, будто ждал, когда Кирилл сделает что-то ещё невозможное.

Шаталов продолжил объяснение. Через пять минут намеренно задал вопрос Кириллу — сложнее программы первого курса. Кирилл ответил. Мастер задал следующий. Потом ещё один.

Ответы приходили без усилия, но вместе с ними Кирилл видел опасность. Если продолжить, одноклассники перестанут считать его своим. Шаталов начнёт проверять происхождение знаний. Отец узнает. Любое резкое изменение требовало правдоподобной скорости.

На четвёртый вопрос он сделал паузу и ответил не полностью.

Шаталов подсказал.

Кирилл закончил мысль.

Это было первое сознательное ограничение нового интеллекта перед людьми. Не ложь в обычном смысле — он действительно позволил части анализа пройти медленнее. Но результатом стало впечатление, которое он специально создал.

После занятия Максим ждал его в пустом коридоре.

— Ты специально ошибся.

— Не ошибся. Не сразу ответил.

— Ты знал.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы всё не выглядело ненормально.

Максим провёл рукой по лицу.

— А со мной ты тоже так делаешь?

— Как?

— Замедляешься, чтобы я не чувствовал себя идиотом.

Кирилл хотел сказать «нет», но ответ был сложнее. Он действительно ограничивал количество выводов, которые озвучивал. Не потому, что Максим был глупым, а потому, что обычный разговор не выдерживает человека, отвечающего на скрытый смысл каждой фразы.

— Иногда, — признался он.

— Отлично.

— Ты тоже не говоришь мне всё, что думаешь.

— Потому что половина мыслей тупые. Но я хотя бы не могу за секунду решить, какую версию себя тебе показать.

Максим ушёл вниз по лестнице.

Кирилл догнал его.

— Подожди.

— Уже вычислил правильные слова?

— Нет.

— Врёшь.

— Я вычислил много вариантов. Ни один не делает ситуацию простой.

Максим остановился.

— Тогда скажи не лучший.

Кирилл несколько секунд молчал.

— Мне страшно, — сказал он.

Это действительно был не лучший ответ: он не объяснял, не успокаивал и перекладывал часть тяжести на друга. Но был правдой.

Максим посмотрел на него и впервые за день перестал защищаться шуткой.

— Мне тоже.

Они дошли до остановки вместе.

В автобусе Кирилл сел возле окна. Люди вокруг образовывали плотное поле сигналов: женщина в переднем ряду боялась опоздать, мужчина у двери скрывал боль в колене, кондуктор заранее готовилась спорить с пассажиром без мелочи. Кирилл мог направить внимание на любого и построить вероятную историю.

Он не стал.

На следующей остановке вошла Кира.

Она заметила его, улыбнулась и подошла.

— Привет. Как ваша «Волга»?

До желанья Кирилл придумал бы ответ слишком поздно. Теперь возникли десятки вариантов: смешной, уверенный, загадочный, вызывающий интерес. Он видел, какой повысит вероятность продолжения разговора.

И выбрал простой.

— Разбираем. Она пока сопротивляется.

— Как пациент?

— Скорее как пенсионер, который не доверяет молодым врачам.

Кира засмеялась.

Сработали связь с её учёбой, лёгкая самоирония и отсутствие попытки показаться умнее. Анализ возник одновременно с удовольствием от её смеха и тут же его испортил.

Он не мог вернуть прежнюю невинность общения. Но мог не превращать понимание в управление.

По крайней мере сейчас.

Не прежним — Кирилл знал, что может снова увидеть слои, — но пригодным для жизни.

Формулировка сработала.

Возле раздевалки их ждал Шаталов и снова потребовал лампу. Кирилл ответил рассуждением о порядке передачи найденного имущества, но мастер оборвал его:

— Мне не нужен юрист. Мне нужна вещь, которую вы взяли без разрешения.

Кирилл признал простую часть правды и попросил время до утра. Шаталов согласился только потому, что тот впервые не пытался выиграть спор.

Когда мастер ушёл, Максим схватил друга за рукав.

— Ты раньше с ним два слова связать не мог. Теперь каждое слово рассчитано.

— Я не пытался им управлять.

— А мог?

— Вероятно.

Максим отпустил рукав и ушёл к другому выходу.

Кирилл не стал останавливать.

На улице он открыл в телефоне сообщение Киры. Можно было ответить так, чтобы повысить вероятность продолжения разговора. Для этого не требовалась магия. Достаточно было упомянуть флешку, задать вопрос, связанный с медицинским колледжем, добавить лёгкую самоиронию. Несколько вариантов сформировались мгновенно.

Кирилл написал:

«Раз уж флешка нашлась, можно спросить, что вы сейчас по анатомии проходите? У вас в автобусе учебник был».

Прочитал.

Удалил.

Фраза была хорошей. Именно поэтому казалась нечестной. Он уже знал, зачем каждое слово находится на своём месте.

Потом понял нелепость: до желания он тоже подбирал слова, только хуже. Неумение не делало общение искреннее.

Он восстановил сообщение и отправил.

Ответ пришёл через четыре минуты:

«Кости пока. А ты откуда учебник видел?»

Кирилл улыбнулся.

Эмоция была настоящей.

Он мог продолжить идеально. Вместо этого написал:

«В автобусе. Я тогда остановку проехал».

Через минуту Кира прислала смеющийся смайлик и спросила, какую машину они разбирают на практике.

Кирилл отвечал, сознательно ограничивая анализ. Не отключал его полностью, а позволял себе не выбирать максимальный вариант. Это было похоже на ходьбу: человек способен вычислять положение каждой ноги, но обычно просто идёт.

Дома отец уже знал, что лампу не вернули.

— Шаталов звонил, — сказал Сергей.

— Я завтра принесу.

— Она всё ещё у Максима?

Кирилл заметил, как мать прекратила резать хлеб. Отец подозревал новую ложь.

— Нет, — сказал Кирилл. — У меня.

— Где?

— В безопасном месте.

— Ты понимаешь, что это не твоя вещь?

— Да.

— Тогда почему продолжаешь?

Ответов было слишком много. Потому что предмет нарушал физику. Потому что внутри джинн. Потому что договор уже заключён. Потому что Кирилл получил способность, которую человечество не могло представить. Потому что отдать лампу означало позволить взрослым решить за него.

Последнее было эмоциональным ядром.

Он не хотел снова зависеть от человека, который уверен, что лучше знает, что делать.

— Я нашёл её, — сказал Кирилл. — И хочу понять, кому она принадлежит.

— Не тебе.

— Это пока не доказано.

Отец встал.

— Не разговаривай со мной как адвокат.

— Я разговариваю точно.

— Нет. Ты прячешь за словами простой факт: взял чужое.

Кирилл увидел, что отец прав. Юридическая неопределённость не меняла нравственную сторону. Он использовал интеллект, чтобы сделать свой поступок сложнее, чем он был.

— Да, — сказал Кирилл. — Я взял без разрешения.

Сергей остановился.

— Вернёшь утром.

— Верну предмет, который колледж сможет принять как найденную лампу.

Это была почти правда и почти предупреждение о намерении создать замену.

— Что значит «предмет»?

— Я разберусь.

— Кирилл.

— Я не могу сейчас объяснить. Но никому не причиню вреда и верну всё, что принадлежит колледжу.

Отец сделал шаг ближе. Кирилл увидел усталость, страх потерять контроль над сыном и подозрение, что тот связался с чем-то незаконным. Он мог подобрать фразу, после которой Сергей отступит. Мог использовать сведения о его характере, чувство ответственности, любовь к семье.

Не стал.

— Дай мне до утра, — сказал Кирилл без расчёта. — Потом можешь делать что считаешь нужным.

Отец долго смотрел на него.

— До утра.

В комнате Кирилл решил вернуть колледжу не магическую копию, а обычный похожий предмет. По фотографии городского рынка он нашёл продавца старых вещей, договорился о ранней встрече и за ночь заработал недостающие деньги, починив два телефона и блок питания.

Купленный индийский светильник отличался формой и металлом, но Шаталов не видел оригинал. Кирилл состарил поверхность доступными средствами; экспертизы подмена не выдержала бы, однако экспертизы никто не планировал.

Утром мастер записал находку в ведомость и отправил Кирилла к двигателю.

Возле верстака лежала та самая гайка. Теперь Кирилл чувствовал состояние резьбы и лучший угол усилия, но работал медленно.

— Сегодня направление не путаешь? — спросил Шаталов.

— Сегодня нет.

После занятий Кирилл прочитал основы нескольких наук, встроил сведения в модели и составил перечень того, чего ещё не знает.

Чем больше он узнавал, тем меньше нравилось выражение «исполнять собственные желания». Внутри человека слишком много импульсов, страхов и несовместимых целей, чтобы считать каждое сильное «хочу» одной волей.

Вечером отец попросил помочь с машиной.

Кирилл нашёл неисправность за двадцать секунд: износ наконечника рулевой тяги в сочетании с неверным давлением в переднем колесе. Но не сказал сразу. Проверил подвеску по порядку, дал отцу самому увидеть люфт.

— Быстро нашёл, — заметил Сергей.

— По симптомам было понятно.

Кирилл объяснил.

Отец выслушал и сказал:

— Нормально. Только не умничай перед Шаталовым.

— Почему точность считается умничаньем?

— Потому что точность без понимания, кому говоришь, иногда просто способ показать себя.

Кирилл мог психологически разобрать реакцию отца и подобрать слова, после которых тот признает его правоту. Вместо этого увидел, что Сергей говорит не о знаниях, а о желании сына возвыситься.

— Понял, — ответил он.

Отец удивился.

— И всё?

— Ты прав.

— Не заболел?

— Пока нет.

Они закончили работу почти без спора.

Дома мать сидела на кухне и массировала виски. Кирилл увидел вероятные причины боли: недосып, напряжение мышц, недостаток жидкости, слишком крепкий чай, тревога после ночного разговора. Он налил ей воду и размял плечи.

— Ты чего добрый? — спросила Наталья.

— Я всегда добрый.

— Тогда кто жил с нами предыдущие шестнадцать лет?

Она улыбнулась.

Кирилл почувствовал прежнюю любовь, но теперь видел усталость, которую раньше принимал за раздражение. Интеллект не охладил чувства. Он сделал невозможным удобное неведение.

Поздно ночью Захир сидел на подоконнике, пока Кирилл строил второе желание.

— Если защитить способность от потери, смогу ли я добровольно отказаться? — спросил Кирилл.

— Зависит от формулировки.

— Если оставлю простой отказ, меня могут принудить. Если уберу, могу пожалеть.

— Верно.

— Тогда отказ возможен только при свободном, устойчивом, информированном намерении, подтверждённом несколько раз после периода ожидания.

— А если сама способность не позволит тебе захотеть отказаться?

Кирилл остановился.

— Тогда свобода будет иллюзией.

Он добавил запрет на изменение собственных желаний, целей и оценки способности без отдельного осознанного вмешательства.

— Ты считаешь, я всё равно ошибусь? — спросил Кирилл.

— Конечно.

— В формулировке?

— Не обязательно.

— Тогда где?

Захир посмотрел почти с жалостью.

— После запятой.

— Что это значит?

— Люди думают, что судьбу меняют большие решения. Обычно её меняет то, что они делают после того, как получили желаемое.

Кирилл хотел ответить, что теперь способен просчитать последствия.

Но не сказал.

Он уже видел слабость этой фразы.

Способность просчитать не означала обязанность поступить правильно.

ГЛАВА 7. ИМПЕРАТИВ ИСПОЛНЕНИЯ

Второе желание Кирилл писал девять дней. Физика, вероятность, сознание, право и теория управления показывали не готовый ответ, а множество способов неверно описать простое действие.

Создание материи требовало источника энергии, лечение — определения нормы, изменение вероятности — ответа, не оплачивается ли удача чужой неудачей. «Исполнять желания» оказалось не одной способностью, а правом решать, кто задаёт смысл слов.

В библиотечной тетради Кирилл закрепил основу: случайные мысли, сны, страхи и фигуры речи не исполняются; действие требует устойчивого намерения, модели непосредственного результата и отдельного подтверждения.

Требование полного понимания он зачеркнул. Полное понимание было невозможно даже для перемещения чашки.

— Ты пишешь конституцию для самого себя? — спросила Кира.

Кирилл поднял голову.

Она стояла возле стола в зелёной куртке, с учебником под рукой. В жизни Кира выглядела немного иначе, чем на фотографиях: светлее глаза, меньше уверенности в движениях, привычка чуть сжимать губы перед вопросом.

Они переписывались почти неделю. Кирилл сознательно не строил подробную модель отношений, но даже ограниченного внимания хватало, чтобы видеть её интерес и осторожность.

— Что-то вроде, — сказал он.

— Для колледжа?

— Для проекта.

— Секретного?

— Пока да.

Она посмотрела на страницы, исписанные мелким почерком.

— Ты всегда так готовишься?

— Недавно начал.

— Максим сказал, ты вообще изменился.

— Максим считает изменением всё, что длится дольше двух дней.

Кира улыбнулась и села напротив.

— Я пришла за книгой по биологии, а её выдали до ноября. Теперь делаю вид, что так и планировала.

Кирилл знал несколько способов продолжить разговор. Мог предложить найти электронную копию, узнать тему, помочь. Выбрал самый прямой.

— Какая книга?

Она назвала автора.

Кирилл вспомнил каталог, который мельком видел у стойки, и сказал:

— В читальном зале есть более старое издание. Шифр Б-42, нижняя полка в третьем шкафу.

Кира посмотрела на него с сомнением.

— Ты медицинские учебники тоже читаешь?

— Каталог видел.

— Один раз?

— У меня хорошая память.

Он не добавил насколько.

Книга действительно оказалась на месте. Кира вернулась с ней и задержалась ещё на двадцать минут. Они говорили о колледже, преподавателях и автобусах. Кирилл несколько раз ловил себя на том, что заранее знает, к чему ведёт её фраза, и сознательно не завершал за неё.

Перед уходом она сказала:

— В субботу мы с подругой собираемся в кино. Максим вроде тоже будет.

Приглашение сохраняло ей возможность отступить.

— Я приду, — ответил он.

— Хорошо.

Она ушла.

Кирилл смотрел на дверь несколько секунд.

Он не использовал силу. Не создавал встречу, не менял вероятность, не подбирал идеальную личность. Но абсолютный интеллект уже давал преимущество, о котором Кира не знала.

Это было нечестно?

Высокий рост, деньги, красота, опыт, уверенность тоже создавали неравенство. Люди никогда не вступали в отношения с одинаковыми возможностями. Проблема начиналась не с преимущества, а с сокрытия такой силы, которая превращала другого человека в предсказуемый объект.

Кирилл записал в отдельной тетради:

«Не использовать способность и интеллект для прямого изменения чувств, памяти или решений человека, с которым строю близкие отношения. Не создавать обстоятельства, исключаящие реальную возможность отказа».

Он понимал, что правило добровольное. Ничто не мешает будущему Кириллу переписать его.

Именно поэтому второе желание требовало не встроенной морали, а сохранения способности признавать собственные правила и понимать момент их нарушения.

После библиотеки он встретился с Максимом возле киоска.

— В субботу идёшь? — спросил Максим.

— Да.

— Я же говорил.

— Ты ничего не сделал.

— Я создал пространство возможностей.

— Кира сама предложила.

— После того как я три раза упомянул тебя.

Кирилл остановился.

— Что ты сказал?

— Ничего страшного. Что ты нормальный, только разговариваешь как следователь. Что починил два телефона за вечер. Что в библиотеку ходишь добровольно.

— Зачем?

— Потому что сам ты будешь строить отношения до пенсии.

— Не вмешивайся.

Максим поднял руки.

— Всё. Больше не буду.

Кирилл видел, что друг обиделся. Раньше он либо промолчал бы, либо продолжил спор. Сейчас понял оба мотива: желание сохранить самостоятельность и страх, что Кира заинтересовалась не им, а рассказанной версией.

— Извини, — сказал он. — Я не хотел наезжать. Просто мне важно, чтобы она сама решала.

Максим посмотрел на него внимательнее.

— Ты теперь всё так объясняешь?

- Как?
- Сразу правильно.
- Не всегда.
- Раньше хотя бы было видно, когда ты тупишь.

Кирилл усмехнулся.

- Могу иногда специально.
- Не надо. Будет ещё хуже.

Вечером они пошли к старой котельной. Максим хотел присутствовать при втором желании, но Кирилл отказался.

— Почему?

— Потому что способность будет моей. Я не хочу принимать решение под взглядом наблюдателя.

- Первое же принимал.
- Тогда я не знал, насколько давление присутствия влияет на формулировку.
- Я тебе мешал?
- Нет. Но сейчас могу начать доказывать, что всё предусмотрел, вместо того чтобы при-

знать ошибку.

- Ты уже признаёшь ошибку, которой нет.
- Именно поэтому хочу быть один.

Максим ушёл недовольным. Кирилл понимал риск: отдаляясь ради безопасности, он делал друга посторонним. Но решение не изменил.

Захир появился возле бетонной стены. Сегодня он выглядел старше: в бороде проступила седина, вокруг глаз появились тонкие линии.

- Почему изменил лицо? — спросил Кирилл.
- Ты привык к первой форме. Новая напоминает, что перед тобой не ровесник.
- Ты пытаешься повлиять.
- Я всегда влияю самым присутствием. Вопрос в том, скрываю ли цель.
- И цель?
- Чтобы ты не воспринимал меня как инструмент.

Кирилл отметил прямоту ответа.

— Ты боишься второго желания?

- Да.
- За себя или за меня?
- За последствия.
- Конкретнее.

— Самостоятельный императив исполнения выводит тебя за пределы обычного договора. После исполнения я не смогу контролировать, как ты используешь силу, и не буду обязан исправлять ошибки. Ты сможешь изменить свою память, тело, общество, планету. При достаточно широкой формулировке — намного больше.

— Ты уже говорил, что были успешные случаи.

— Были. Но ни один не сочетал способность такой широты с интеллектом, который ты получил.

- Это делает меня безопаснее.
- И опаснее.

Кирилл не стал спорить. Он уже пришёл к тому же выводу.

Кирилл передал Захиру тетради. Джинн коснулся обложки и пересказал конструкцию: личное право менять реальность, предварительная модель, защита от случайных импульсов и передачи контроля, отдельные уровни подтверждения для времени, личности и крупных изменений.

Они убрали требование полного знания, заменив его точной моделью действия и вероятностной оценкой последствий. Запрет любого перераспределения вреда тоже оказался невозможным: выигрыш одного всегда менял положение другого.

Физический откат не возвращал прежнего человека, если тот уже прожил событие. Защита способности не должна была переживать окончательный добровольный отказ Кирилла. Для необратимых изменений среды и разумной жизни появлялась многоступенчатая процедура.

Телепортацию, изменение прошлого, дарование силы другим и вмешательство в сознание Кирилл ограничил отдельными условиями. Исключение для чрезвычайной ситуации оставалось — вместе с риском однажды назвать чрезвычайным любой конфликт.

— Будущий ты сможешь обойти правило, — сказал Захир.

— Но не сможет скрыть от себя момент обхода.

— Это сигнализация, ключ от которой всё равно у тебя.

Последним они уточнили источник энергии и право видеть способ реализации до подтверждения. Контроль замедлял исполнение; Кирилл согласился.

К утру формулировка занимала сорок три страницы. Он перечитал её как автор, враждебный толкователь и человек, которому придётся жить с результатом.

— Я готов, — сказал он.

Захир не ответил.

— Ты обязан указать известные риски.

— Укажу. Но сначала вопрос. Почему сейчас?

— Что?

— Ты можешь продолжать проверку месяц, год, десять лет. Первое желание уже дало тебе значительное преимущество. Почему спешишь?

Кирилл знал ответы.

Потому что лампы могут обнаружить. Потому что ему шестнадцать и терпение не стало бесконечным вместе с интеллектом. Потому что возможность получить всё находилась в нескольких словах. Потому что каждый день без способности теперь казался добровольной беспомощностью.

— Нет момента, после которого я узнаю всё, — сказал он. — Дополнительная проверка снижает риск, но не устраняет неизвестность. Я установил механизмы остановки и контроля. Дальше ожидание становится способом избежать решения.

— Это рациональный ответ.

— А настоящий?

Захир едва заметно улыбнулся.

— Я не спрашивал, но можешь сказать.

— Я хочу узнать, каково это, когда мир обязан ответить.

Джинн кивнул.

— Вот теперь честно.

Кирилл прочитал желание вслух.

Голос несколько раз пересох. Он пил воду и продолжал. Текст описывал не каждое возможное чудо, а систему управления изменениями: активацию, модель результата, уровни подтверждения, защиту сознания, масштабные ограничения, правила работы с другими людьми, обратимость и право окончательного отказа.

Закончив, он положил страницы на бетонную плиту.

— Перескажи непосредственный смысл.

Захир сделал это. Точно, без насмешки.

— Противоречия?

— После внесённых правок критических не обнаружено. Некоторые понятия будут интерпретироваться через твоё понимание и цели в момент использования. Ты не получил гарантии нравственно благоприятного результата. Ты не получил всеведение. Механизм отмены не возвращает автоматически прежнюю личность людям, пережившим событие. Масштабные изменения останутся сложными и потребуют времени на моделирование.

— Очевидные риски?

— Ты получишь возможность обходить почти любое внешнее ограничение. Законы, экономика, физическая опасность и мнение общества перестанут быть обязательными. Твои добровольные правила останутся единственной границей, а добровольные правила можно пересматривать. Каждый успех станет подозрительным для тебя самого, потому что ты будешь знать: даже если не использовал силу напрямую, мог изменить обстоятельства. Отношения с людьми станут неравными. Скука вероятна. Нравственная деградация возможна. Масштабный вред возможен при осознанном решении. Ты сможешь создавать аргументы в пользу любого собственного поступка.

— Это всё?

— Нет. Это то, что можно назвать сейчас.

— Возможен скрытый вред от самого исполнения?

— При текущей формулировке я не вижу допустимого пути, который причинил бы тебе прямой скрытый вред или передал управление другому. Но последствия использования принадлежат тебе.

Кирилл почувствовал внутреннюю границу.

На этот раз она была не дверью.

Скорее краем огромной высоты. Можно сделать шаг, не зная, будет ли под ногой земля, потому что после шага он сможет создать землю сам.

Он подумал о матери на кухне, отце в гараже, Яне, Максиме, Кире. О Горновске под серым небом. О миллиардах людей, которые утром проснутся в мире, где один шестнадцатилетний студент способен изменить всё.

Никто не давал ему права.

Но право уже предлагалось самой структурой договора.

— Кирилл, — сказал Захир. — До подтверждения ты можешь остановиться.

— Знаю.

— После исполнения я больше не буду единственным посредником между твоим намерением и реальностью.

— Знаю.

— Это твоё окончательное второе желание?

Кирилл закрыл глаза.

Он ожидал страха, восторга, торжественной музыки внутри головы. Ничего такого не было. Только холодный воздух, шум далёкого поезда и собственное решение.

— Это моё окончательное второе желание.

Сначала не произошло ничего.

Потом Кирилл почувствовал вопрос.

Не от Захира. Не словами.

Реальность вокруг словно стала доступной для редактирования, но не превратилась в текст или картинку. Каждая вещь оставалась собой и одновременно представляла множество возможных состояний.

Камень возле ноги мог лежать на месте, подняться, расколоться, исчезнуть, стать золотом, водой, деревом. Кирилл видел не сами варианты, а возможность запросить их модель.

Он выбрал самое малое изменение.

Камень должен был подняться на десять сантиметров, сохранив структуру, скорость относительно Земли и всё остальное без изменений. Сила предложила простейший путь: локальное компенсирующее воздействие, эквивалентное физическому подъёму. Никакой скрытой истории, никакого изменения памяти.

Внутри возникло подтверждение.

Кирилл ответил «да».

Камень поднялся.

Не вспыхнул. Не задрожал. Просто оказался в воздухе и остался там.

Кирилл почувствовал массу, необходимое усилие, устойчивость модели. Мог увеличить высоту, изменить вращение, отпустить.

Он прекратил воздействие.

Камень упал в пыль.

Захир смотрел на него так, как раньше Кирилл смотрел на лампу.

С осторожностью.

Кирилл поднял ладонь. На коже была небольшая царапина, полученная днём в мастерской. Он запросил восстановление тканей до состояния перед повреждением без изменения остального организма.

Модель показала несколько клеточных процессов, риск был пренебрежимо мал.

Подтверждение.

Царапина исчезла.

Кирилл провёл пальцем по гладкой коже.

— Работает, — сказал он.

— Да, — ответил Захир.

— Я могу всё?

— Нет.

— Почти всё?

— Слова «почти всё» опаснее слова «всё».

За железной дорогой горели окна, по улицам ехали машины. Люди спорили, считали деньги, болели, боялись, влюблялись и не знали, что правила изменились.

Он мог прямо сейчас создать состояние, оплатить долги семьи, вылечить мать, сделать отца молодым, построить дом, переместиться на другую сторону планеты.

Сила предлагала модели каждого варианта.

Кирилл закрыл доступ.

Мир снова стал обычным.

Почти.

Кирилл провёл три проверки.

Вообразил обрушение котельной — случайная мысль ничего не изменила. Сформулировал превращение болта в серебро и остановился до подтверждения — болт остался прежним.

Затем запросил модель освобождения Захира. Полного безопасного пути не открылось: связь была частью определения джинна, а не цепью, которую можно разорвать. Система предлагала лишь ослабить проявление, перенести точку связи или изменить форму лампы.

Кирилл отказался от запроса.

— Ты уже попробовал изменить меня, — сказал Захир.

— Только посмотрел модель.

— Для тебя разница велика. Для того, на кого направлено всемогущество, меньше.

Кирилл извинился. Хороший поступок не закрывал возможность плохого; он оставался только предыдущим решением.

Небо не потемнело и мир не отметил появление новой силы. Ответственность тоже не возникла автоматически.

— Почему остановился? — спросил Захир.

— Потому что я ничего ещё не решил.

— Разумно.

— И потому что хочу сначала проверить, могу ли не использовать.

Они молчали несколько минут.

Кирилл чувствовал способность внутри не как давление, а как отсутствие запрета. Дверь была открыта, но входить никто не заставлял.

Он поднял лампу.

— У меня осталось одно желание по договору.

— Да.

— Но оно мне больше не нужно.

Захир посмотрел на него.

— Люди часто так говорят сразу после того, как получают возможность исполнить остальные самостоятельно.

— Я не собираюсь тратить его впустую.

— Тогда сохрани.

Кирилл задумался.

Третье желание могло исправить ошибку, которую собственная сила не позволит исправить. Могло изменить природу договора, защитить мир или предоставить знание о системе. Но если второе желание сработало правильно, он способен добиться почти любого допустимого результата сам.

Оставался вопрос, который не относился к выгоде.

Кирилл посмотрел на джинна.

Теперь, обладая императивом исполнения, он чувствовал связь Захира с лампой. Не видел её полностью, но различал структуру ограничения: личность, привязанная к функции; время, свёрнутое вокруг ожидания; свобода, разрешённая только внутри чужих слов.

— Захир, — сказал он. — Ты обещал позже ответить.

— На какой вопрос?

— Чего хочешь ты?

Джинн не улыбнулся.

Впервые с момента появления он выглядел не древним существом, не исполнителем и не соперником.

Просто человеком, который слишком долго ждал, чтобы его спросили.

ГЛАВА 8. ЧЕГО ХОЧЕШЬ ТЫ

Захир не ответил сразу.

Его лицо оставалось человеческим лишь потому, что так было удобнее разговаривать. Кирилл уже понимал это. Глаза, рот, морщины возле губ — не тело, а выбранная форма, понятный интерфейс для существа, которому не требовались ни мышцы, ни дыхание, ни даже последовательное течение времени.

Но молчание было настоящим.

— Я не требую ответа, — сказал Кирилл. — Это не желание и не приказ. Можешь отказаться.

— Могу.

— Тогда почему не отказываешься?

Захир посмотрел на лампу в его руке.

— Потому что не помню, когда меня спрашивали в последний раз.

Кирилл мог бы уточнить дату. Первый интеллект уже раскладывал реплику на несколько смыслов: джинн не сказал, что его никогда не спрашивали; не сказал, что отвечал; не сказал, что вопрос был задан из сострадания. Но сейчас анализ казался чем-то почти неприличным.

— И чего ты хочешь?

— Обычной человеческой жизни.

Ответ прозвучал настолько просто, что Кирилл сначала решил: это очередная формулировочная ловушка.

— В смысле стать человеком сейчас?

— Нет.

— Получить человеческое тело?

— Нет.

— Тогда что именно?

Захир поднял голову. Над железной дорогой светлел край неба. Ночь ещё держалась между гаражами, но восток уже приобрёл холодный серый оттенок.

— Родиться, — сказал джинн. — Не появиться взрослым с готовыми воспоминаниями. Не войти в чужое тело. Не создать вокруг себя декорацию семьи. Родиться ребёнком у людей, которые действительно захотят ребёнка. Быть слабым. Не уметь говорить. Не понимать, почему больно. Ждать, когда мать войдёт в комнату. Бояться темноты, даже если темнота ничего не может сделать.

Он говорил спокойно, однако голос утратил прежнюю насмешливость.

— Ходить в школу. Ошибаться в простых вещах. Дружить с человеком, не зная, предаст он или нет. Любить без способности проверить результат. Считать деньги. Опаздывать. Болеть. Стыдиться. Хотеть того, чего нельзя получить сразу. Стареть.

— И умереть?

— Да.

— Ты хочешь умереть?

— Я хочу иметь жизнь, в которой смерть имеет значение.

Кирилл молчал.

Он мог сейчас изменить температуру воздуха, поднять гараж, перестроить собственное тело, создать миллиард рублей или отправиться на другую сторону планеты. Возможность находилась рядом с каждой мыслью. Не давила, не соблазняла голосом — просто делала любое препятствие необязательным.

Захир хотел именно препятствий.

— Ты существуешь тысячи лет?

— Слова «тысячи лет» предполагают, что время для меня проходит так же, как для тебя. В лампе это не так.

— Тебе кажется, что прошло больше или меньше?

— Иногда мгновение. Иногда столько, что число перестаёт что-либо означать.

— И ты всё помнишь?

— Достаточно.

— Всех владельцев?

— Не одинаково. Некоторые остаются голосом. Некоторые запахом комнаты. Некоторые последней фразой перед тем, как желание разрушило их жизнь.

— А хорошие были?

— Были.

— Люди, которые правильно использовали желания?

— Правильность становится очевидной только после того, как ты выбираешь, что считать правильным.

— Не уходи от ответа.

Захир слегка улыбнулся.

— Были люди, которым желания помогли. Один просил дождь для города во время засухи и достаточно точно определил границы, чтобы не затопить соседей. Женщина пожелала, чтобы её сын вернулся из войны живым и сохранил себя. Он вернулся. Они прожили долгую жизнь. Ремесленник попросил способность не ошибаться в работе и использовал её, чтобы строить мосты. Не все истории заканчиваются наказанием.

— Тогда почему сказки всегда про ловушки?

— Потому что человек, получивший всё и счастливо проживший дальше, редко считает необходимым предупреждать потомков. А катастрофа любит свидетелей.

Кирилл сел на бетонную плиту. Холод больше не причинял дискомфорта: организм автоматически поддерживал состояние, но не отключал ощущение полностью.

— Теперь я могу сделать тебя человеком без третьего желания, — сказал Кирилл.

— Построй модель.

Механизм предложил человеческие тела, память, документы и правдоподобные биографии. Но во всех вариантах сохранялась связь Захира с функцией. Если её удалить, получалась точная копия; непрерывность исходного сознания доказать было нельзя. Изменить саму функцию самостоятельный императив не позволял.

— Третье желание работает иначе?

— Канал договора старше твоего права. Он способен изменить форму моего существования, если не потребуется уничтожить систему.

Захир честно признал: при неточной формулировке даже сейчас мог исполнить желание во вред Кириллу. Благодарность не отменяла его природы.

Последнее желание было страховкой от неизвестной ошибки. Потратить его на существо, знакомое меньше суток, казалось нерационально. Но разум показывал и другое: если считать справедливость целью, не каждый ресурс обязан служить только владельцу.

— Почему именно с рождения? — спросил Кирилл.

— Потому что взрослое тело не сделает меня человеком. Я буду джинном, изучающим ограничения изнутри.

— А если стереть память?

— Тогда появится человек, который никогда не делал этого выбора.

— Можно заблокировать её и вернуть позже.

— Можно.

— Когда?

— Не знаю.

— В двадцать лет?

— Возраст не равен готовности.

— Тогда условие должно определяться психологической способностью принять воспоминания без разрушения человеческой личности.

— Разумно.

— Ты хочешь помнить меня?

Захир посмотрел на него.

— Не сразу.

— Почему?

— Ребёнок, который помнит, что тысячелетиями исполнял чужие желания, не получит детство. Он будет только маленьким телом с древним пленником внутри.

— А позже?

— Позже я хотел бы знать, кому обязан жизнью.

Кирилл отвернулся. В этой фразе могла скрываться манипуляция. Захир знал, какие слова действуют. Знал человеческое тщеславие, желание благодарности, стремление стать исключением из правил.

Первый интеллект не обнаруживал признаков лжи. Но отсутствие признаков ничего не доказывало, когда собеседник существовал дольше человеческих языков.

Кирилл начал формулировать условия человеческой жизни Захира.

Будущие родители должны были существовать независимо от желания, действительно хотеть ребёнка и сохранить собственную историю. Нельзя было вытеснить уже определённую личность, запрограммировать любовь или поддерживать заданное отношение к сыну.

— Ты родишься здоровым?

— С обычной человеческой вероятностью.

— Она включает болезнь, несчастный случай и смерть.

— Поэтому и будет человеческой.

Кирилл хотел защитить ребёнка хотя бы до совершеннолетия. Захир отказался: неуязвимость изменила бы его выборы и вероятности вокруг других людей.

— Я не хочу боли как цели, — сказал он. — Хочу тело, способное болеть, отношения, способные закончиться, и решения, которые не исправляют заранее.

Формулировка получилась короче второго желания и труднее. Она сохраняла человеческую личность Захира, исключала способности джинна, обязанность служить Кириллу и предопределённую благодарность. Прежние воспоминания могли возвращаться лишь так, чтобы не уничтожить сформировавшееся «я».

— Жизнь должна быть настоящей, а не сном в лампе, — сказал Кирилл.

— Да.

На вопрос о смерти Захир наконец признал риск: прежняя функция могла восстановиться после завершения человеческой жизни.

Кирилл разозлился. Джинн молчал, потому что боялся потерять единственную возможность.

— Ты манипулировал мной.

— Да. Желание стать человеком не сделало меня человеком заранее.

Полностью уничтожить связь договор, возможно, не позволял. Кирилл запретил частичное исполнение: либо вся человеческая жизнь на согласованных условиях, либо ничего.

— Если после смерти связь вернётся, эта жизнь всё равно будет настоящей?

— Да. Человек не отказывается от семидесяти лет только потому, что после них может наступить вечность.

Кирилл оставил Захиру право когда-нибудь вспомнить его и найти по собственной воле. Сам обещал не искать человека до возвращения памяти.

Окончательный текст занял девять страниц. В нём не было гарантии счастья — только право на жизнь, которая принадлежит самому Захиру.

— Назови риски.

Захир перечислил конечность, возможную болезнь, конфликт древней памяти с человеческой личностью и шанс никогда не захотеть встречи с Кириллом.

— Для мира?

— Появится один человек.

Кирилл прошёлся по гаражу. За воротами уже слышались первые утренние машины. Скоро отец проснётся. Мать начнёт собираться на смену. Кто-то может прийти к гаражам.

Времени становилось мало, но спешка больше не управляла им.

— Если после смерти ты вернёшься, человеческая жизнь всё равно останется настоящей?

— Да.

— Ты будешь помнить её?

— Вероятно.

— И этого тебе достаточно?

Захир посмотрел туда, где небо становилось светлее.

— Человек, которому предложили прожить семьдесят лет, не отказывается только потому, что после них может наступить вечность.

— Многие отказались бы, если бы знали, что вечность будет тюрьмой.

— Я уже в ней.

Кирилл снова сел.

Он мог не делать этого. Решение не было обязано стать великодушным только потому, что выглядело великодушно. Возможно, разумнее было использовать третье желание для получения знаний о системе, а затем освободить Захира самостоятельно. Возможно, существовал путь без риска возврата.

Но знания можно было искать годами. Для Захира годы внутри лампы могли оказаться мгновением или новой бесконечностью.

— Последнее условие, — сказал Кирилл. — Ты получаешь возможность вспомнить меня и найти, если сам этого захочешь. Без принуждения. Без автоматической привязанности. Я тоже смогу тебя найти только после того, как воспоминания начнут возвращаться, если это не причинит тебе вреда.

— Ты хочешь встретиться снова?

— Хочу узнать, получилось ли.

— Только поэтому?

— Нет.

Захир ждал.

— Я хочу, чтобы у меня был кто-то, кто помнит, кем я был до всего этого.

— Я буду помнить тебя только по этой ночи.

— Возможно, этого окажется больше, чем будут помнить остальные.

Джинн кивнул.

Кирилл переписал окончательный текст. Он не занял сорок три страницы. Всего девять, но каждая строка удерживала противоречие между защитой и свободой.

Перед последней фразой он остановился.

— Назови известные риски.

Захир перечислил:

— человеческая жизнь может быть короче желаемой; — память может вернуться болезненно, хотя не должна разрушить личность; — прежняя природа может восстановиться после смерти; — новые родители и близкие будут настоящими людьми, поэтому могут причинять боль и принимать собственные решения; — Кирилл не получит права управлять жизнью

Захира после рождения; — человеческое воплощение может не захотеть иметь ничего общего с прежним владельцем лампы; — возвращение памяти может создать конфликт между человеческой личностью и древним опытом.

— Скрытая цена для меня?

— Не вижу допустимой.

— Для родителей?

— Они получают ребёнка, которого могли бы получить в непротиворечивой естественной цепочке. Их свобода не должна быть изменена.

— Для другого ребёнка?

— По твоему условию никто не будет вытеснен из уже определённой причинной линии.

— Для мира?

— Появится один человек.

— Который раньше был джинном.

— Который сначала будет только ребёнком.

Кирилл перечитал текст ещё раз.

В нём не было гарантии счастья. Только право на настоящую жизнь.

— Ты готов? — спросил он.

— Я ждал этого дольше, чем способен объяснить.

— Это твоё свободное желание? Не функция, не обязанность, не попытка выполнить моё ожидание?

— Моё.

— После исполнения ты не будешь мне должен.

— Ты не можешь запретить мне чувствовать благодарность.

— Не могу. Но запрещаю договору создавать её.

— Согласен.

Захир сел на край верстака, будто человеческая поза могла сделать решение меньше.

Кирилл ещё раз проверил слова «нормальная семья» и «счастливое детство». Гарантированное счастье потребовало бы убрать болезни, ошибки родителей и любую боль; хорошие родители стали бы людьми, переписанными под чужое представление о добре. Эти формулы он вычеркнул.

— Ты можешь родиться больным, тебя могут бросить, ты можешь умереть ребёнком. Всё равно согласен?

— Ты ищешь точку, где моё желание перестанет казаться разумным.

— Ищу точку, где ты скажешь всю правду.

— Я боюсь получить именно то, о чём прошу. Возможно, возненавижу слабость, буду бояться смерти и искать лампу. Но даже ошибиться хочу сам.

Эта фраза упростила желание сильнее всех расчётов. Кирилл не мог подарить правильную жизнь — только собственную.

Автоматический срок возвращения памяти тоже исчез. Воспоминания могли открыться через естественную связь с прошлым, частично или никогда.

— Часть меня хочет помнить благодарность, — сказал Захир. — Другая хочет проснуться ребёнком и ничего не знать.

— Тогда я не выберу за обе части.

Захир напомнил: лампа слышала Кирилла ещё в гараже. Он не был избранным — просто не выбросил странную вещь.

Кирилл подошёл к окну.

— Когда станешь человеком, я не буду тебя искать. Иначе твоя жизнь снова начнётся с моего решения.

— Ты способен найти за мгновение.

— Именно поэтому не найду.

Никакая формулировка не гарантировала, что добро останется добром. Можно было только убрать принуждение и позволить последствиям стать настоящими.

Он взял лампу обеими руками.

Третье желание было единственным, которое он произносил не ради собственной силы.

И поэтому пугало сильнее двух предыдущих.

ГЛАВА 9. ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ

— Я желаю, — начал Кирилл.

На этот раз слова не казались юридическим документом. Они звучали почти как обещание.

Он желал, чтобы существо, называвшее себя Захиром, получило полноценную, непрерывную, подлинную человеческую жизнь, начавшуюся естественным рождением в семье свободных людей. Чтобы родители не были созданы как декорации и не подверглись изменению личности. Чтобы никто существующий или уже определённый к существованию не был вытеснен. Чтобы тело обладало нормальной жизнеспособностью, а дальнейшая судьба не была заранее защищена от всех человеческих рисков.

Он желал, чтобы новая личность развивалась естественно, обладала собственной свободой и не служила продолжением воли Кирилла.

Чтобы память Захира оставалась недоступной в детстве и возвращалась только постепенно, когда сформировавшееся человеческое сознание сможет принять её без уничтожения себя.

Чтобы договор не создавал благодарность, любовь, верность или обязанность перед Кириллом.

Чтобы жизнь не была симуляцией, сном или задержкой внутри лампы.

Чтобы Захир получил возможность стареть и умереть человеком.

И, если это допустимо без разрушения фундаментальной структуры мира, чтобы после смерти связь с функцией джинна прекратилась окончательно.

В конце Кирилл запретил частичное исполнение, которое лишило бы желание его главного смысла.

Он закончил.

Ничего не произошло.

Захир стоял напротив и смотрел на него.

— Перескажи смысл, — сказал Кирилл.

Джинн повторил условия. Точно. Без добавлений.

— Противоречия?

— Критических нет. Условие окончательного прекращения моей природы может оказаться недостижимым, но благодаря запрету неполного исполнения желание либо создаст полноценную человеческую жизнь с максимально допустимым исходом, либо не исполнится.

— «Максимально допустимый исход» звучит как частичность.

— Жизнь будет исполнена полностью. Неопределённость касается того, что произойдёт после её естественного завершения. Ты не можешь потребовать доказательства события, находящегося за границей доступной модели.

Кирилл проверил формулировку ещё раз. Условие не позволяло заменить жизнь иллюзией. Не позволяло создать копию Захира, оставив его в лампе. Не позволяло заставить людей стать родителями. Не позволяло привязать будущего человека к нему.

Оставался риск возврата.

Он не мог исключить его сейчас.

— Это моё окончательное третье желание, — сказал Кирилл.

Захир закрыл глаза.

Лампа стала тяжёлой.

Не физически — рука выдерживала её без усилий. Изменилось значение предмета. До этого она ощущалась центром договора, вещью, вокруг которой пространство строило невидимую осторожность. Теперь связь натянулась.

Кирилл увидел не глазами, как функция Захира отделяется от проявления. Не разрывается. Не исчезает. На мгновение становится возможностью без владельца.

Мир искал непротиворечивый путь.

Не создавал родителей из пустоты. Не переписывал десятилетия крупными движениями. Он перебирал цепочки настолько тонкие, что даже абсолютный интеллект Кирилла видел лишь классы решений: задержанный поезд, случайно изменённый маршрут, разговор, который состоялся бы иначе, один выбор врача, один вечер двух людей.

Механизм исполнения нашёл вариант.

Где-то далеко женщина уже находилась в родильном отделении.

Беременность была настоящей. Родители ждали ребёнка. Биологическая история существовала без вмешательства Кирилла. В точке, которую человеческий язык назвал бы появлением сознания, сохранялась неопределённость, не принадлежавшая никакому другому субъекту.

Желание связало с этой возможностью Захира.

Джинн открыл глаза.

На секунду в них отразился страх.

Не древний, не величественный. Обычный страх перед тем, что сейчас всё закончится и начнётся нечто, чего он не сможет контролировать.

— Ты ещё можешь остановить? — спросил Кирилл.

— Нет.

— Ты жалеешь?

— Уже поздно отвечать как джинн.

Его фигура стала прозрачной.

Не рассыпалась дымом, как при появлении. Скорее перестала быть необходимой. За плечом Захира проступила кирпичная стена гаража.

— Как тебя будут звать? — быстро спросил Кирилл.

— Я не знаю.

— Где ты родишься?

— Не знаю.

— Когда вспомнишь?

Захир улыбнулся.

— Ты наконец получил вопрос, на который никто не может дать тебе точный ответ.

Голос ослабел.

Кирилл сделал шаг вперёд.

— Мы увидимся?

— Если оба захотим.

— Захир.

— Это было не моё настоящее имя.

— Тогда скажешь потом.

— Возможно.

Он исчез.

Лампа выскользнула из руки Кирилла и ударилась о бетон.

Звук был обычным. Глухой металл, пустой сосуд.

Кирилл поднял её. Связи больше не существовало. Он запросил модель: предмет состоял из меди, олова, примесей, следов старого масла и человеческой кожи. Никакой функции. Никакой свёрнутой структуры. Никакого императива исполнения.

Просто лампа.

В ту же минуту, в тысяче километров от Горновска, Лилия Юсупова кричала, что больше не может.

— Можете, — сказала акушерка. — Ещё раз. Дышите. Не закрывайте глаза.

Азат ждал в коридоре казанского роддома и считал трещины на бледно-зелёной стене. Он пытался позвонить матери, но связь пропадала. На экране старого Samsung мигало одно деление.

Ребёнок родился в 05:43.

Мальчик.

Три килограмма четыреста двадцать граммов. Пятьдесят два сантиметра. Закричал не сразу, и эти две секунды показались Лилии больше всей беременности.

Потом воздух вошёл в лёгкие.

Мальчик закричал.

Никакой древней мудрости в этом крике не было. Только холод, свет и первое столкновение тела с миром.

— Ринат, — прошептала Лилия.

Имя они выбрали месяц назад. Азат предлагал Артура, но уступил после трёх вечеров споров.

Азату разрешили войти позже. Он подошёл к кровати слишком осторожно, будто ребёнок мог разбиться от громкого шага.

— На тебя похож, — сказала Лилия.

— Пока на всех похож.

— Нет. Лоб твой.

Азат посмотрел на сморщенное лицо и не обнаружил сходства, но спорить не стал. Он достал телефон, сделал несколько фотографий и тут же проверил каждую, опасаясь, что вспышка навредит ребёнку.

Ринат заплакал.

Азат растерялся. Лилия устало улыбнулась.

— Возьми.

— Я не умею.

— Я тоже впервые.

Он взял сына обеими руками. Мальчик весил меньше автомобильного аккумулятора, который Азат легко переносил на работе, но никогда ещё он не держал ничего настолько страшно хрупкого.

Ринат перестал плакать не сразу. Азат качал его, повторял бессмысленные слова и думал, что теперь существует человек, за которого он отвечает, хотя не способен гарантировать ему даже завтрашний день.

Никакой договор не сделал его идеальным отцом. Он будет раздражаться, ошибаться, пропускать важные моменты, говорить лишнее и однажды причинит сыну боль, считая, что поступает правильно.

И всё же любовь возникала без приказа.

Ринат ничего не знал о споре, лампе, владельцах, договорах и вечности.

Его завернули в ткань и положили рядом с матерью.

Он перестал кричать, услышав биение её сердца.

В гараже Кирилл всё ещё смотрел на пустое место.

Он мог найти ребёнка.

Его собственный императив исполнения уже предлагал способы. Запросить сведения о непосредственном результате третьего желания. Определить координаты связанного сознания. Увидеть через любой доступный физический источник. Создать документ с именем и адресом.

Кирилл сформировал модель и остановился перед подтверждением.

Условие позволило бы узнать, что желание исполнилось. Не причинить вред. Не изменить жизнь.

Но он представил, как будет наблюдать за ребёнком, проверять здоровье, исправлять случайности, незаметно направлять решения родителей. Каждое вмешательство можно обосновать заботой. Через несколько лет от настоящей человеческой жизни останется проект, защищённый от всего, что Кирилл сочтёт неправильным.

Он отменил запрос.

— Сам найдёшь, — сказал он пустому гаражу.

Слова не получили ответа.

На улице начиналось утро.

Кирилл убрал лампу в рюкзак, собрал листы с формулировками и проверил помещение. Следов дыма не осталось. Камень, который он поднимал, лежал в пыли. Царапина на руке исчезла.

Он вышел из гаража и закрыл ворота.

По дороге домой возникла первая бытовая проблема всемогущества: он не спал всю ночь.

Можно было убрать усталость. Не стимулировать организм, а восстановить его до состояния полноценного сна. Модель была безопасной. Он подтвердил.

Тяжесть в мышцах исчезла. Голова стала ясной.

Это было удобно.

Слишком удобно.

Кирилл прошёл несколько кварталов, специально не сокращая путь. Мог переместиться сразу в комнату, но не хотел впервые появиться дома телепортацией и потом объяснять себе, почему это разумно.

Горновск просыпался.

Дворник сгребал мокрые листья. У остановки стояли люди с сонными лицами. Из хлебного киоска пахло выпечкой. Автобус прошёл мимо, оставив за собой тёмный дым.

Каждая проблема вокруг имела решение.

Разбитая ступенька — восстановить бетон.

Старик тяжело поднимается по лестнице — вылечить суставы.

Женщина ругается по телефону из-за денег — создать деньги.

Дым из автобуса — изменить двигатель.

Холод в квартирах — перестроить систему отопления.

Он мог исправлять всё, не останавливаясь.

Первый интеллект тут же показывал последствия. Восстановленная ступенька вызовет вопросы только у дворника. Исцелённый старик изменит собственную жизнь и жизни семьи. Созданные деньги войдут в экономику. Новый двигатель станет технологией без происхождения. Каждое добро требовало границы, а граница требовала решения, почему этот человек достоин вмешательства, а соседний — нет.

Кирилл купил в киоске буханку хлеба.

Продавица взяла пятьдесят рублей и отсчитала сдачу. Обычная операция заняла меньше минуты, но теперь Кирилл видел её как систему: касса, закупочная цена, аренда, налог, зарплата, маршрут доставки, пекарня, зерно, топливо. Он мог сделать хлеб бесплатным. Мог создать бесконечный запас. Мог изменить пищевую ценность так, чтобы одного куска хватало на день.

Он ничего не сделал.

Дома было тихо.

Мать спала перед сменой, отец уже ушёл в гараж, Яна собиралась в школу. Она вышла из комнаты с одним заплетённым хвостом и расчёской в руке.

— Ты где был?

— В гараже.

— Всю ночь?

— Задержался.

— Папа знает?

— Нет.

Яна посмотрела на него с интересом.

— Ты теперь преступник?

— Да. Украл хлеб.

Он положил буханку на стол.

— Там ценник.

— Очень наблюдательно.

— Тогда что делал?

— Машину смотрел.

— Ночью?

— Она стеснялась днём.

Яна фыркнула и пошла к зеркалу доплетать волосы.

Кирилл налил воду в стакан.

Запросил изменение температуры до четырёх градусов без изменения состава. Механизм исполнения предложил перенос тепла в воздух помещения. Он выбрал вариант и подтвердил.

Стекло покрылось влагой.

Он выпил.

Яна вернулась на кухню.

— Почему стакан холодный?

Кирилл посмотрел на неё.

— Вода из холодильника.

— Ты из крана наливал.

Она видела.

Вероятность того, что десятилетняя сестра начнёт всерьёз подозревать изменение реальности, была минимальной. Можно было просто объяснить ошибкой наблюдения. Можно изменить её память о последних десяти секундах. Модель предлагалась мгновенно.

Кирилл закрыл доступ так резко, будто отдёргнул руку от огня.

— Добавил лёд, пока ты отворачивалась.

— У нас нет льда.

— Тогда стакан был холодный.

Яна потрогала его пальцем.

— Врёшь.

— Иди в школу.

— Покажи.

— Что?

— Как сделал.

— Никак.

Она смотрела ещё несколько секунд. Потом пожала плечами, взяла бутерброд и ушла.

Дверь закрылась.

Кирилл остался один.

Первая ложь после получения силы оказалась мелкой и бессмысленной. Он мог избежать её, если бы подумал на секунду дольше. Мог использовать обычный холодильник.

Он разломил хлеб.

Мякиш был тёплым и влажным. Кирилл изменил вкус небольшого куска, сделав его похожим на сладкую булочку, но без сахара. Съел. Работало идеально.

Потом вернул исходное состояние.

Возможность не исчезала.

Он достал тетрадь и написал на первой чистой странице:

«Правило ноль: не применять силу там, где достаточно обычного действия».

Подумал и добавил:

«И не менять память людей ради удобства».

Ему было шестнадцать лет. Он не имел права определять правила для мира.

Но если он не определит их для себя, правил не будет вообще.

На следующее утро он впервые проверил, изменилась ли его обычная жизнь сама собой.

Ничего не изменилось.

Будильник на кнопочной Nokia пропищал в семь. Яна заняла ванную. Отец ругался, что кто-то снова оставил пустой пакет молока в холодильнике. Мать спала после смены. За окном дребезжал трамвай, и серый снег возле дороги уже превратился в кашу.

Кирилл мог сделать утро идеальным. Создать свежий хлеб, убрать усталость матери, починить кран, который капал две недели, заставить автобус прийти вовремя. Вместо этого стоял у раковины и ждал, пока Яна закончит чистить зубы.

— Ты чего улыбаешься? — спросила она с набитым пастой ртом.

— Не улыбаюсь.

— Улыбаешься. Странно.

Он посмотрел в зеркало. Лицо действительно выглядело спокойнее. Не счастливее — скорее так, будто за любой бытовой проблемой теперь находилась незаметная дверь.

На кухне отец пытался включить старый электрический чайник. Контакт отходил, приходилось прижимать кнопку ложкой.

Кирилл мог восстановить проводку одним намерением. Он уже сформировал запрос, но остановился.

— Дай посмотрю, — сказал он.

— Опоздаешь.

— Пять минут.

Отец отодвинул чайник. Кирилл снял нижнюю крышку, нашёл подгоревший контакт и зачистил его обычным ножом. Работа заняла семь минут, две из которых он потратил на поиск отвёртки.

— Откуда знаешь? — спросил Сергей.

— В колледже показывали.

Это была ложь, но небольшая. Абсолютный интеллект позволил понять устройство чайника с первого взгляда. Сила не понадобилась.

— Хоть чему-то учат, — сказал отец.

Похвала была настолько редкой, что Кирилл едва не рассмеялся. Получить её силой было бы проще. Но тогда она не имела бы веса.

В колледже Максим сразу заметил перемену.

— Ты спал вообще?

— Да.

— Тогда почему выглядишь так, будто знаешь ответы на контрольную?

— Потому что знаю.

— У нас сегодня контрольная?

— Нет.

— Фух. Не шути так.

На теории преподаватель объяснял устройство системы смазки. Кирилл понимал каждую неточность, видел упрощения и заранее знал, к какой схеме тот перейдёт. Первые десять минут это казалось почти забавным. Затем стало мучительно медленным.

Он мог ускорить собственное восприятие ещё сильнее, но уменьшил интенсивность. Не хотел превращать час в субъективные сутки.

Когда преподаватель задал вопрос, Кирилл ответил слишком подробно. Группа замолчала.

— Савин, — сказал тот, — вы это где прочитали?

— В учебнике.

— В нашем этого нет.

— В другом.

Максим наклонился к нему.

— Каком?

— Не помню название.

Он помнил. Название, автора, год издания, номер страницы и две опечатки. Лгать теперь тоже стало труднее: мозг мгновенно показывал все способы, которыми неправда может быть проверена.

После пары Кирилл сам остановил Шаталова возле лестницы.

— Мне нужно исправить ведомость.

— Какую ещё ведомость?

— Несколько дней назад я вернул не ту лампу.

Шаталов сначала решил, что ослышался. Кирилл принёс обе вещи: настоящий старый сосуд и латунный сувенир, который состарил вручную. Не рассказал о Захире и желаниях. Только признал подмену.

— Ты взял находку, а вместо неё сдал похожую вещь? — спросил мастер.

— Да.

— И решил, что от этого она перестала быть чужой?

— Тогда решил.

Шаталов выругался, переписал ведомость и отвёл Кирилла к заведующему хозяйством. Тот оценил лампу как цветной металл и после оформления списания разрешил выкупить её за сто двадцать рублей. Подделку Кирилл разобрал и выбросил.

Денег не хватало. Он занял у Максима.

— Волшебная? — спросил тот.

— Уже нет.

— Жаль. Я бы загадал, чтобы Шаталов заболел до зачёта.

Кирилл посмотрел на друга. В другой жизни фраза осталась бы обычной шуткой. Теперь он слишком ясно видел, насколько легко способен сделать её реальностью.

— Не шути так.

— Ты чего?

— Ничего.

Квитанция была самым скучным документом в его новой жизни и первым доказательством, что исправление ошибки не обязано быть чудом.

Перед тем как лечь, Кирилл достал пустую лампу из рюкзака.

Поставил на полку между книгами и старой моделью автомобиля.

Она выглядела дешёвым сувениром.

Где-то уже жил человек, который когда-то был заключён внутри.

Кирилл не знал его имени.

Это было первое неизвестное, которое он сознательно решил сохранить.

Он лёг на кровать и открыл модель ближайшего будущего.

Сегодня занятия. Отец спросит, где он был. Максим заметит отсутствие усталости. Кира, возможно, ответит на сообщение. В кошельке осталось тридцать два рубля.

Можно было получить всё за одну секунду.

Кирилл закрыл модель.

Мир впервые в его жизни не умел ему отказать.

Оставалось понять, чему должен научиться отказывать он сам.

ЧА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.